

The background of the book cover is a vibrant blue sky with stylized white clouds. In the top left corner, there is a palm tree branch with green leaves and yellow coconuts. In the bottom right corner, there is a small island with a palm tree, green grass, and blue buildings. The sea is depicted with large, stylized blue and white waves. A blue steamship with a green superstructure and a yellow smokestack is sailing on the waves, emitting a plume of white smoke. Several white seagulls with red-tipped wings are flying in the sky. Small blue fish are visible in the water. The title and author's name are enclosed in a white rectangular frame with a dark red top section and a dark blue bottom section.

ЮРИЙ
КОВАЛЬ

Суер-Вьер

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Юрий Коваль

Суер-Выер

«Азбука-Аттикус»

1995

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Коваль Ю. И.

Суер-Выер / Ю. И. Коваль — «Азбука-Аттикус»,
1995 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-16917-3

«Суер-Выер» – последняя книга Юрия Ковалья, последняя и посмертная. Это роман особый, роман-игра. Правила этой игры простые. Вот корабль, вот море и острова. Надо плыть по этому морю и открывать эти самые острова. Заносить открытые острова в кадастр и плыть дальше. А в свободное от открывания островов время заниматься обычными судовыми делами: пришивать пуговицы, развязывать морские узлы, косить траву вокруг бизань-мачты, варить моллюсков... Победитель в этой игре тот, кто первым доберется до Острова Истины. И в награду ему, естественно, достается Истина. Желаете быть участником? Тогда пожалуйста на борт.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-389-16917-3

© Коваль Ю. И., 1995
© Азбука-Аттикус, 1995

Содержание

Юрий Коваль, Суер-Выер и мэтр Рабле	6
Суер-Выер	8
Часть первая	8
Бушприт	8
Главы I–VI[1]	8
Глава VII	9
Глава VIII	11
Главы IX–X	12
Главы XI–XII	13
Глава XIII	14
Глава XIV	15
Глава XV	15
Глава XVI	16
Глава XVII	19
Глава XVIII	19
Глава XIX	20
Глава XX	21
Глава XXI	22
Глава XXII	24
Глава XXIII	25
Глава XXIV	28
Глава XXV	29
Главы XXVI–XXVII	31
Глава XXVIII	34
Глава XXIX	36
Глава XXX	36
Часть вторая	40
Глава XXXI	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Юрий Иосифович Коваль

Суер-Выер

© Ю. И. Коваль (наследники), 2020

© А. В. Егоев, предисловие, 2020

© Оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013
Издательство АЗБУКА®

Юрий Коваль, Суер-Выер и мэтр Рабле

Есть писатели славы громкой. Как колокол. Или как медный таз. И есть писатели тихой славы. Слава громкая – часто слава короткая: грохнет в потолок пробкой в банкетном зале бывшего великокняжеского дворца, погуляет эхом по телеэкранам и уйдет, как уходит в форточку из курилки табачный дым. Тихая – слава долгая. Поэтесса Татьяна Бек сказала о писателе Ковале: «Слово Юрия Ковалю будет всегда, пока есть кириллица, речь вообще и жизнь на Земле».

Я давно люблю книги Юрия Ковалю, лет уже без малого сорок, с «Недопёска» и «Чистого Дора», попавших мне в руки примерно в середине 70-х. Изданные как детские, его книги написаны для всех читательских возрастов, всё в них лёгкое и волшебное – и предметы, и голоса зверей, и деревья, и цветы полевые, и слова, которыми говорят звери и люди, птицы и дождевая вода.

Обыденность в его книгах объединилась с волшебной сказкой.

Вот топор, забытый в лесу, он не просто отыщется под кустами, а блеснёт в тени, как глубинная рыба («Чистый Дор»). А сама глубинная рыба – ночная скользкая осенняя рыба налима – глянет на вас маленьким, как божья коровка, глазом, а потом ворочается всю ночь, никак не может уснуть, шевелит узорными плавниками, похожими на полевые цветы («Ночные налимы»). Наверное, это и называется зрением художника – увидеть глаза налима, понять его ночную бессонницу.

«Чистый Дор», «Недопёсок», «Алый», «Листобой», «Картофельная собака», «Кепка с карасями», «Приключения Васи Куролесова», «Пять похищенных монахов», «Самая лёгкая лодка в мире», «Полынные сказки», «Шамайка», «Суер-Выер»... Вот неполный список сочинённого Юрием Ковалём. Это книги, и в каждой – живая жизнь, и к каждой хочется возвращаться. А ещё есть песни, фильмы по его книгам, есть художник Юрий Коваль. Есть много хороших слов, которые про него сказали многие хорошие люди.

«Я твёрдо знаю одно, – сказал про Юрия Ковалю Ролан Быков, – таких писателей мало, они очень редки. Их самих надо записывать в Красную книгу, а то совсем переведутся и исчезнут».

«В ней есть сказка, – написал поэт Арсений Тарковский о повести „Самая легкая лодка в мире“, – а сказка, которая живёт в нас с детства, никогда не умирает».

А Белла Ахмадулина, предваряя первое книжное издание «Суера-Выера», заканчивает своё посвящение так: «Я обращаю ко всем читателям Юрия Ковалю его же, для меня утешительные, слова: ВЕСЕЛЬЕ СЕРДЕЧНОЕ».

«Суер-Выер» – последняя книга Юрия Ковалю, последняя и посмертная.

Это роман особый, роман-игра. Собственно, он и романом-то не является; роман – это что-то матёрое, что-то очень сюжетное, многомудрое, величественное, как Лев Толстой. Пергамент – так определяет жанр своего сочинения автор.

Что такое пергамент? Как известно из археологии, пергамент есть гладко выделанная кожа животных, употреблявшаяся в древности для письма. (А в старых словарях есть добавка: «Ныне же идёт преимущественно на барабаны».)

Итак – «в древности». То есть мы с вами как бы читатели будущего и держим в своих руках некую музейную редкость, чудом избежавшую труса, голода (раз из кожи), нашествия со- и иноплеменников и так далее. Что-то утрачено, что-то не поддаётся прочтению, где-то вкралась ошибка – может быть, переписчика, может быть, самого писца, отвлёкшегося по причине принятия ежевечерней порции корвалола.

А к древности отношение бережное. Можно комментировать, делать примечания, давать сноски, но нельзя ничего менять – теряется аромат времени, пища для желудка ума, материал по психологии творчества. Если «вдруг» написано через «ю» («вдрюг»), «со лба» – «собла» и древний автор, раскачиваясь на стуле, осознаёт «гулбину» своего падения, то этого уже не исправишь.

Любая мелочь, на которую в обыкновенной книге (если такие вообще бывают!) порой не обращаешь внимания, здесь, в пергаменте, играет роль важную, как в оркестре, где умри какая-нибудь маленькая сопелка, флейточка или английский рожок – и музыка перекосятся и рухнет, превратившись в трамвайный шум.

Теперь о самой игре, о её незамысловатых правилах.

Правила очень простые.

Вот корабль, вот море и острова. Надо плыть по этому морю и открывать эти самые острова. Заносить открытые острова в кадастр и плыть дальше. А в свободное от открывания островов время заниматься обычными судовыми делами: пришивать пуговицы, развязывать морские узлы, косить траву вокруг бизань-мачты, варить моллюсков.

Да, чуть не забыли сказать про самое главное: кто в игре победитель и какая ему с этого выгода.

С победителем просто. Кто первый доберётся до Острова Истины, тот и выиграл. И в награду ему, естественно, достаётся Истина.

Правда, странное дело – выиграть-то он вроде бы выиграл, но идёт себе этот выигравший по Острову Истины, кругом её, естественно, до хрена, идёт он себе, значит, идёт, разглядывает лица девушек и деревьев, перья птиц и товарные вагоны, хозблоки и профиль Данте – а за ним (!) тихонечко движется океан. И сокращается островок, съедается, убивает его идущий своими собственными шагами; обернётся, дойдя до края, – а сзади уже вода. И впереди и сзади.

Вот такие интересные игры встречаются иногда на пергаментах.

Говоря по правде, игра эта очень древняя. В неё играли ещё в те времена, когда мир держался на трёх китах, а Земля была плоская и загадочная, как рыба вобла.

О путешествиях и невиданных островах писали древние греки и Лукиан, Плиний и Марко Поло. Они описаны у древних китайцев в «Каталоге гор и морей» и в путешествиях Синдбада из «Тысячи и одной ночи», в кельтском эпосе и русских народных сказках.

Острова, на которых живут циклопы и тененоги, псоглавцы и царь Салтан; а ещё – ипопеды, то есть люди с копытами вместо ног; а ещё – бородатые женщины и люди без рта, пьющие через специальную трубочку; а ещё – Робинзон Крузо, капитан Немо и Максим Горький. Все они описаны, зарисованы и выставлены на народное обозрение – в сушёном или заспиртованном виде.

Идёшь, смотришь, шупаешь, пьёшь, закусываешь, берёшь ещё.

И вроде бы как даже приелось.

Но вдруг из-за какой-нибудь сухой груши выходят два человека: матрос Юрий Коваль и мэтр Франсуа Рабле. Смеются и тебе говорят: ну что, говорят, плывём?

Ты даже не спрашиваешь куда, потому что и так понятно: в руке у мэтра Рабле початая Божественная Бутылка, а матрос Юрий Коваль уже щёлкает по ней ногтем, и Бутылка отвечает звонким человеческим голосом: «ТРИНК».

Александр Етоев

Суер-Вьер **Пергамент**

Посвящается Белле Ахмадулиной

Часть первая **Фок**

Бушприт

Тёмный крепдешин ночи окутал жидкое тело океана.

Наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» тихо покачивался на волнах, нарушая тишину тропической ночи только скрипом своей ватерлинии.

– Грот-фок на гитовы! – раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

Главы I–VI¹ **Шторм**

Служил у нас на «Лавре Георгиевиче» вперёдсмотрящий.

Ящиков.

А мы решили завести ещё и назадсмотрящего. Ну мало ли что бывает. Короче – надо. Завели, а фамилию ему давать не стали. Ну на кой, простите, пёс, назадсмотрящему-то фамилия?

А он говорит:

– Ну дайте же хоть какую-нибудь. Ну хоть бы Бунин.

Никакого, конечно, Бунина мы ему не дали.

А он назад оглянулся и как рывкнет:

– Идёт шторм!

– Шторм? – удивился наш капитан сэр Суер-Вьер. – Так ведь он умер.

– Кто умер?

– Шторм умер. Апполинарий Брамсович.

– А это другой шторм идёт, – пояснил вперёдтеперьужесмотрящий Ящиков.

– И другой умер, – сказал Суер. – Через два года.

– Знаете что, капитан, – который Бунина просил, говорит, – свищите скорей всех наверх.

– Рак, – пояснил капитан то ли про первого, то ли про второго Шторма.

– А ну вас всех, прости меня господи, – сказал назадсмотрящий, – понесли на «Лавра Георгиевича» и плывут незнамо куда, гады!

– У обоих, – продолжил Суер свою предыдущую мысль.

---

¹ Падение культуры пристального чтения в конце XX века принудило автора не только к сдваиванию и к страиванию, но даже, как видим, и к сошестерению некоторых глав.

Перед бурей утихли волны. В тишине слышался скрип нашей ватерлинии и какие-то клетчатые звуки. Это мадам Френкель ещё плотнее закуталась в своё одеяло.

Глава VII

Остров Валерьян Борисычей

– Со всеми этими штормами и сошестерениями, – сказал как-то наш капитан Суер-Вьер, – нам Острова Истины не открыть. Да вон, кстати, какой-то островок виднеется. Не Истины ли? Эй, Пахомыч! Суши вёсла и обрасопь там, что надо обрасопить!

– Надоело обрасопливать, сэр, – проворчал старпом. – Обрасопливаешь, обрасопливаешь... а толку?

– Давай, давай, обрасопливай без долгих разговоров.

Вскорости Пахомыч обрасопил всё, что надо, мы кинули якорь, сели в шлюпку и поплыли к острову, виднеющемуся невдалеке. Он был невелик, целиком умещался в подзорную трубу. На нём не было видно ни души. Песок, песок да ещё какие-то кочки, торчащие из песка.

Шлюпка уткнулась носом в берег, и тут же кочечки зашевелились и каким-то образом нахлобучили на себя велюровые шляпы. Тут и стало ясно, что это не кочки, а человеческие головы в шляпах, которые торчат из пещерок.

Крупная, но фетровая шляпа заколебалась, и из пещерки вылез цельный человек. Сняв шляпу, он приветливо помахал ею и сказал:

– Добро пожаловать, дорогие Валерьян Борисычи!

Мы невольно переглянулись, только Суер поклонился и сказал:

– Здравствуйте, братья по разуму!

Шляпы в норках загудели:

– Здравствуйте, здравствуйте, дорогие Валерьян Борисычи!

А первый, в крупной фетровой, обнял Суера и расцеловал.

– Ну, как вы добрались до нас? – спрашивал он. – Легко ли? Тяжело? Все ли Валерьян Борисычи здоровы?

– Слава богу, здоровы, – кланялся Суер.

Меня всегда поражала догадливость капитана и его житейская мудрость. Но какого чёрта? Какие мы Валерьян Борисычи? Никакие мы не Валерьян Борисычи! Но спорить с туземцами не хотелось, и я подумал: если капитан прикажет, мы все до единого дружно станем Валерьян Борисычами.

Между тем шляпа номер один продолжала махать когтистой лапой и весело лопотала:

– Мы так радуемся, когда на остров прибывает очередная партия Валерьян Борисычей, что просто не знаем, как выразить своё счастье!

– И мы тоже счастье выражаем, – сказал Суер и, обернувшись к нам, предложил: – Давайте, ребята, выразим своё счастье громкими кличами.

Мы не стали спорить с капитаном и издали несколько кличей, впрочем вполне приличных. Кроме Пахомыча, который орал:

– Борисычи! А где же магарыч?

– Я надеюсь, – сказала шляпа номер один, – среди вас все истинные Валерьян Борисычи? Нет ни одного, скажем, Андриан или Мартемьян Борисыча? Не так ли?

– Ручаюсь, – сказал капитан, придиричливо осматривая нас. – Верно, хлопцы?

– Да, да, это так, – поддержали мы капитана. – Мы все неподдельные Валерьян Борисычи.

– Но мы маленькие Валерьян Борисычи, – влез в разговор лоцман Кацман, – небольшие Валерьян Борисычи, скромные.

Капитан недовольно поморщился. Лоцману следовало бы помолчать. Он сроду не бывал никаким Валерьян Борисычем, а, как раз напротив, по паспорту читался Борис Валерьяныч.

– Мы-то маленькие, – продолжал болтливый лоцман. – А вот он, – и лоцман указал на Суера, – он величайший из Валерьян Борисычей мира.

Суер поклонился, и мы ударили в ладонь.

Самое, конечно, глупое, самое тупое заключалось в том, что я и вправду почувствовал себя Валерьян Борисычем и раскланивался на все стороны, как истинный Валерьян Борисыч.

– Дорогой Валерьян Борисыч, – сказал Суер, обращаясь к главной шляпе. – Позвольте и мне задать вопрос. Скажите, а вот эти люди, которые сидят в норках, все ли они истинные Валерьян Борисычи?

– Валерьян Борисыч, дорогой, – отвечала шляпа, – мы понимаем вашу бдительность и ответим на неё дружно, по-Валерьян-Борисычески. Эй, вэбы, отвечайте!

Тут все Валерьян Борисычи зашевелились в норках и хотели было вылезать, но Главно-шляпый крикнул:

– Сидеть на месте! Кто выскочит – пуля в лоб! Начинайте.

И один носатый из ближайшей норы неожиданно и гнусаво запел:

*О, Океан!
О, тысячи
На небе дивных звёзд!
Все Валерьян Борисычи
Имеют длинный хвост.*

А хор из норок подхватил:

*Имеют хвост, но он не прост,
Меж небом и землёй он мост.*

Гнусавое запевало выползло тем временем на второй куплет:

*В душе изъян был высечен
На долгую науку.
Вам Валерьян Борисычи
Протягивают руку.*

И хор подхватил:

*Берите нашу руку,
А то дадим по уху!*

И они высунули из норок когтистые лапки. Все невольно отшатнулись, и даже Суер заметно побледнел. Он быстро оглядел нас и впёр свои брови в меня.

– Валерьян Борисыч, – сказал он, похлопывая меня по плечу, – возьми руку друга из норы.

– Кэп, меня тошнит.

Валерьян Борисычи в норках зашептались, заприметив наши пререканья.

– Иди, скотина Валерьян Борисыч, – толкнул меня в спину Пахомыч. – Иди, а то меня пошлют.

Глава VIII

Суть песка

В этот момент меня покинуло чувство, что я немного Валерьян Борисыч, но – подчинился капитану. Я уважал Суера, вам, впрочем, этого не понять.

Любезно гримасничая, как это сделал бы на моём месте истинный Валерьян Борисыч, я тронулся с места и пошёл некоторым челночным зигзагом.

– Он очень стеснительный, – пояснял Кацман, – но истинный, хотя и мелковатый Валерьян Борисыч².

Подойдя к ближайшей кочке-шляпе, я схватил за руку какого-то Валерьян Борисыча и принялся тресть.

– Здорово, старый хрен Валера! – заорал я. – Ну как ты тут? Всё в норке сидишь? А мы тут плавали-плавали и на вас навалились! Да ты сам-то хоть откуда? Я-то из Измайлова!

Схваченный мною Валерьян Борисыч тихо поскуливал.

– Ты с какого года? – орал я.

– С тридцать седьмого, – отвечал задёрганный мною Валерьян Борисыч.

– А я с тридцать восьмого! Ты всего на год и старше, а вон уже какой бугай вымахал!

Валерьян Борисыч призадумался и наморщил лобик.

– Ты знаешь чего, – сказал он, – копай норку рядом со мной, мы ведь почти ровесники. К тому же я из Сокольников.

– Да! Да! Да! – закричал Главный Шляпоголовый. – Копайте все себе норки! Здесь очень хороший песочек, легко копается. И мы все будем дружно сидеть в норках.

И тут я подумал, что это неплохая идея, и мне давным-давно пора выкопать себе норку в тёплом песке, и хватит вообще шляться по белу свету.

«Заведу себе велюровую шляпу, – думал я. – Стану истинным Валерьян Борисычем, а там разберёмся». И я опустил на колени и стал двумя руками загребать песочек, выкапывая норку. Песок струился с моих ладоней, и суть его, копая, я пытался постичь.

«В чём же суть этого песка? – напряжённо думал я. – Эту вечную загадку я и стану разгадывать, сидя в норке».

Струился, струился песок с моих ладоней, тянул к себе и засасывал.

Вдруг кто-то сильно дёрнул меня за шиворот и выволок из норы.

– Ты что делаешь? – сказал Суер, щипая меня повыше локтя. – Опомнись!

– Норку копаю. А вы разве не будете, кэп?

– Будем, но позднее.

– Позвольте, позвольте, – встрял Главный Шляподержатель, – откладывать копание не полагается. Копайте сразу.

Тут я заметил, что Валерьян Борисычи в норках надулись и смотрели на нас очень обиженно.

– Копайте норки, а то поздно будет, – приговаривали некоторые.

– Нам нужно вначале осмотреть достопримечательности, – отвечал Суер-Выер. – А уж потом будем копать.

– Какие ещё достопримечательности? Здесь только песок да Валерьян Борисычи.

– А где же музей восточных культур? – спросил Суер.

---

² Кстати, открытие острова Валерьян Борисычей мы посвятили славному русскому энтомологу и источниковеду Овчинникову Ивану.

– Мы его разграбили, – мрачно ответил Главный Валерьян Борисыч. – А вы, я вижу, не хотите норок копать. Бей их, ребята! Это поддельные Валерьян Борисычи! Их подослали Григорий Петровичи!

– Вот ведь хреновина, – устало сказал Суер. – Только приплываем на какой-нибудь остров – нас сразу начинают бить.

Головной Валерьян Борисыч снял вдруг шляпу и метнул её в капитана. Шляпа летела, вертясь и свища.

Капитан присел, и шляпа попала в лоцмана. Кацман рухнул, а шляпа, как бумеранг, вернулась к владельцу.

Все прочие Валерьян Борисычи засвистели по-узбекски и стали принакручивать шляпами. Через миг несметное количество шляп загудело над нашими головами.

Волоча за собой, как чайку, подбитого лоцмана, мы отступили к шлюпке. Над нами завывали смертоносные шляпы.

Пахомыч изловчился, поймал одну за тулью, зажал её между коленей, но шляпа вырвалась, схватила корзину с финиками, которая стояла на корме, и понеслась обратно на остров.

Эти финики спасли нам жизнь. Валерьян Борисычи, как только увидели финики, выскочили из норок. Они катались по песку, стараясь ухватить побольше фиников.

– А мне Валерьян Борисычи даже чем-то понравились, – смеялся Суер-Вьер, выводя нашу шлюпку на правильный траверз. – Наивные, как дети: хотели нас шляпами закидать.

Тут в воздухе появилась новая огромная шляпа. Она летела книзу дном, тяжело и медленно.

Долетев до нас, шляпа перевернулась, вылила на капитана ведро помоев и скрылась в тумане.

Главы IX–X

Развлечение боцмана

На следующий за Валерьян Борисычами остров для забавы мы взяли с собой боцмана Чугайло. Он уже несколько месяцев не сходил с борта и совершенно озверевал.

– Хочу развлечений! – ревел он иногда в своей каюте.

Правда, ещё издали было видно, что особых развлечений на этом острове не состоится. Прямо посередине его стояло какое-то сухое дерево, а вокруг сплошной камень.

– Это ничего, – говорил Суер, – походит вокруг дерева – глядишь, и развлечётся.

Ну, мы сошли на берег и открыли остров. А потом сели на камушек, а боцмана пустили ходить вокруг сухого дерева. И он начал ходить, а мы смотрели, как он ходит, и перемигивались.

– Неплохо ходит, холера!

– Медленно как-то. Вяло.

– Господин Чугайло! – кричал Пахомыч. – Да вы побыстрее ходите, а то не развлечётесь.

– Сам знаю, как хожу! – ревел боцман. – Развлекаюсь как умею.

– Чепуха, – сказал лоцман Кацман, – так он не развлечётся никогда в жизни. Давайте потихоньку сядем в шлюпку и уплывём, вот тут он и развлечётся.

И мы сели в шлюпку и отплыли на три кабельтова.

Боцман Чугайло вначале не заметил нашего манёвра и ходил, тупо глядя в землю, а когда заметил – забегал вокруг дерева, то и дело падая на колени.

– Вы куда? – орал он. – Вы куда?

Ничего не мог он придумать, кроме этой моржовой фразы. Ясно куда: на «Лавра».

– Не покидайте меня, братцы, – орал Чугайло в пространство, а мы посмеивались и делали вид, что навеки уплываем.

– А что? – сказал Суер. – Может, и вправду оставить его на острове? Надоел ужасно. Ходит всюду, плюётся и сморкается. Всего «Лавра Георгиевича» заплевал.

– Давайте оставим, – сказал Пахомыч.

Думали мы, думали и решили оставить боцмана на острове. Хрен с ним, пускай развлекается.

Главы XI–XII

Самсон-Сеногной

Лоцман Кацман разрыдался однажды у мачты, на которой к празднику мы развесили кренделя.

– Жалко Чугайлу, – всхлипывал он. – Давайте вернёмся, капитан. Заберём его на «Лавра».

А, наверно, уж с полгода прошло, как мы оставили боцмана на острове.

– Ладно, – сказал наш простосердечный капитан, – вот откушаем праздничного суфле и назад поплывём.

Ну, откушали мы суфле, поплыли назад.

Смотрим – Чугайло жив-здоров, бегаёт по острову вокруг сухого дерева.

– Неужто ещё не развлёкся? – удивился Суер.

А боцман, как увидел нашу шлюпку, стал камнями кидаться. Во многих он тогда попал. Высадились мы на остров, связали боцмана, сели под дерево и рассуждаем: что же дальше делать? Забросает же камнями, ватрушка!

Сидим эдак, вдруг слышим, Кацман кричит:

– Почки!

Лоцман кричит:

– Почки!

И пузырьки какие-то лопаются!

Батюшки-барашки! На ветвях-то сухого дерева появились настоящие растительные почки! И лопаются, а из них листочки выскакивают. Растительные!

– Боцман! – Суер кричит. – Откуда почки?

– Не знаю, – мычит боцман, мы-то ему в рот кляп засунули, чтоб не плевался. – Не знаю, – мычит.

Вынули мы кляп, а боцман всё равно ничего не знает. Засунули обратно, и капитан спрашивает:

– Живёте на острове, а про почки не знаете. Как же так?

– Они раньше не лопались, – через кляп мычит.

– Развиваются! – закричал Кацман, и мы увидели, что листочки позеленели, а из-под них цветы расцвели.

Бросили мы боцмана, кинулись цветы нюхать. Только нанюхались – цветы все опали.

– Что же теперь делать? – спрашиваем капитана. – Опали наши цветочки!

– Ждать появления плодов, – размыслил Суер.

И плоды не заставили себя ждать. Вначале-то появились такие маленькие, зелёные, похожие на собачью мордочку, а потом стали наливаться, наливаться. Лоцман цоп с ветки плодочек – и жрёт!

Капитан хлопнул его по рукам:

– Незрелое!

– Я люблю незрелое! Люблю! – плакал лоцман и жадно, как лягушонок, хватал плодочки.

Связали мы лоцмана и стали ждать, когда плоды созреют. И вот они созрели прямо на глазах.

– Неужели груши? – восхищался Пахомыч.

– Ранет бергамотный?! – мычал через кляп боцман.

Накидали мы целую шлюпку груш, развязали боцмана с лоцманом и отбыли на «Лавра».

Потом-то, уже на борту, мы долго размышляли, с чего это сухая груша столько вдруг всего наплодоносила.

– Она расцвела от наших благородных поступков, – сказал Кацман.

– Каких же это таких?

– Ну вот мы бросили боцмана на острове. Какой это был поступок: благородный или не благородный?

– Благородный, – сказал Пахомыч. – Он нам всего «Лавра Георгиевича» заплывал.

Сэр Суер-Выер засмеялся и выдал старпому особо спелую и гордую грушу.

– Ну нет, – сказал он, – благородный поступок был, когда мы за ним приехали. И груше это явно понравилось.

– Ерунда, кэп, – сказал боцман, вынимая изо рта очередной кляп свой. – Пока я бегал по острову, я ей все корни обтоптал.

Разгорячённый грушами, лоцман запел и заплясал, и боцман, раскидывая кляпы, затопал каблуком. Мы обнялись и долго танцевали у двери мадам Френкель:

*Мадам! Спасите наши души
От поедания плодов!
А то мы будем кушать груши
До наступленья холодов!*

Эх, и хороший же тогда у нас получился праздник! Ну прямо Самсон-Сеногной!

Глава XIII

Славная кончина

Я совсем забыл сказать, что с нами тогда на борту был адмиралиссимус. Звали его Онисим.

И многим не нравилось поведение адмиралиссимуса. Герой Босфора, мученик Дарданелл, он совсем уже выжил из ума, бесконечно онанировал и выкрикивал порой бессвязные команды вроде:

– Тришка! Подай сюда графин какао, сукин кот!

В другой раз он беспокойно хлопал себя по лысинке, спрашивая:

– Где мой какаду? Где мой какаду?

Чаще же всего он сидел на полубаке и шептал в пространство:

– Как дам по уху – тогда узнаешь!

Матросы не обижали старика, а Суер по-отечески его жалел.

Один раз Суер велел боцману переодеться Тришкой и подать Онисиму графин какао. Какао, как и Тришка, было поддельным – жёлуди да жжёный овёс, кокосовый жмых, дуст, немного мышьяка, – но адмирал выпил весь графин.

– Где моё какаду? – распаренно расспрашивал он.

Суер-Выер велел нам тогда поймать на каком-нибудь острове какаду. Ну, мы поймали, понесли мученику и герою.

– Вот ваше какаду, экселенс! – орали мы, подсовывая попугая старому морепроходцу.

Адмиралиссимус восхитился, хлопал какаду по плечам и кричал:

– Как дам по уху – тогда узнаешь!

Стали мы подкладывать лоцмана Кацмана, чтоб адмиралиссимус ему по уху дал. Но лоцман отнекивался, некогда ему, он фарватер смотрит. А какой там был фарватер – смех один: буи да створы.

Навалились мы на лоцмана, повели до адмиралиссимуса.

Старик Онисим размахнулся да так маханул, что сам за борт и вылетел.

– Вот кончина, достойная адмиралиссимуса, – сказал наш капитан Суер-Вьер. Потом уже, на специально открытом острове, мы поставили памятный камень с подобающей к случаю эпитафией:

*Адмиралиссимус Онисим,
Был справедлив, но – онанисим.*

Глава XIV

Хренов и Семёнов

Издали мы заметили клубы и клоки великого дыма, которые подымались над океаном.

– Это горит танкер «Кентукки», сэр, – докладывал капитану механик Семёнов. – Надо держаться в стороне.

Но никакого танкера, к сожалению, не горело. Дым валил с острова, застроенного бревенчатыми избушками, крытыми рубероидом. Из дверей избушек и валил дым.

– Что за неведомые сооружения? – раздумывал Суер, оглядывая остров в грубый лакированный монокуляр.

– Думается, рыбы коптильни, сэр, – предположил мичман Хренов.

– Дунем в грот, – сказал капитан. – Приблизимся на расстояние пушечного выстрела.

Пока мы дули, дым почему-то иссяк. Что-то, очевидно, догорело.

– Высаживаться на остров будем небольшими группами, – решил капитан. – Запустим для начала мичмана и механика. Хренов! Семёнов! В ялик!

Пока Хренов и Семёнов искали резиновые сапоги, из неведомых сооружений выскочили два десятка голых мужчин. Они кинулись в океан с криком:

– Легчает! Легчает!

Наши Семёнов с Хреновым отчего-то перепугались, стали отнекиваться от схода на берег и всё время искали сапоги. Кое-как, прямо в носках, мы бросили их в ялик, и течение подтащило судёнышко к голозадым туземцам. Те, на ялик внимания не обращая, снова вбежали вовнутрь неведомых сооружений.

Спрятав лодку в прибрежных кустах, мичман и механик стали подкрадываться к ближайшему неведомому бревенчатому сооружению. В подзорную трубу мы видели, как трусливы и нерешительны они.

Наконец, прятась друг за друга, они вползли в сооружение.

Как ни странно – ничего особенного не произошло. Только из другого неведомого сооружения вышел голый человек, поглядел на наш корабль, плюнул и вошёл обратно.

Глава XV

Пора на воблу!

Этот плевок огорчил капитана.

– Бескультурие, – говорил он, – вот главный бич открываемых нами островов. Дерутся, плюются, голыми бегают. У нас на «Лавре» это всё-таки редкость. Когда же наконец мы откроем остров подлинного благородства и высокой культуры?

Между тем дверь ближайшей избушки распахнулась, и на свет явились голый мичман Хренов и обнажённый Семёнов. Они кинулись в океан с криком:

– Легчает! Легчает!

Группами и поодиночке из других сооружений выскочили и другие голые люди. Они скакали в волнах, кричали, и скоро невозможно было разобрать, где среди них Хренов, а где Семёнов.

– Не вижу наших эмиссаров, – волновался капитан. – Старпом, спускайте шлюпку.

Спустили шлюпку, в которую и погрузились старые, опытные открыватели новых островов: ну, лощман, Пахомыч и мы с капитаном.

Голые джентльмены, гогоча, ухватились за наши вёсла.

– Раздевайтесь скорее! – кричали они.

Слабовольный Кацман скинул бушлат.

– Хренов-Семёнов! Хренов-Семёнов! – беспокойно зывал капитан.

К нашему изумлению, среди голых джентльменов оказалось несколько Семёновых и два, что ль, или три Хренова. Они подплывали на вечный зов капитана и глядели в шлюпку красными тюленьими глазами.

Какой-то липовый Хренов выставил из-под волны нос и закричал:

– Неужто это Суер? А я думал, тебя давно сожрали туземцы!

– Уйди в океан! – ревел старпом и отпихивал веслом неправильного Хренова.

– Так я же Хренов! – взвизгивал ложный Хренов. – Вначале зовут, а потом отпихивают.

– Тоже мне Хренов дерьмовый! – сердился старпом. – У нас уж Хренов так Хренов.

К сожалению, наш Хренов, который наконец появился, такого уж слишком мощного явления не представлял. Довольно скромный и худосочный Хренов, которого только в форме можно было принять за мичмана.

За Хреновым явился и Семёнов.

– Высаживайтесь, кэп, – красноносо хрюкал он, – не пожалеете. Здорово легчает!

– А нам пора на воблу, – объяснял Хренов.

– Пора на воблу! Пора на воблу! – подхватил и Семёнов, и, взмахивая лихими саженками, они дунули к берегу брассом.

Задумчиво мы глядели им вслед, и за нашей спиной грудью вздыхал океан.

Глава XVI

Остров неподдельного счастья

Могучий клич «Пора на воблу!» поддержали и другие голые люди этого острова.

– И на пиво! – добавляли некоторые другие раздетые.

Хренов и Семёнов, сверкающие задницами на берегу, чрезвычайно обрадовались, услышавши такое добавление.

– Пора на воблу и на пиво! – восторгались они.

– Кажется, они продали нас, – сказал Пахомыч. – За воблу.

– И за пиво, – добавил Кацман.

Мы подплыли ближе и увидели, что все голые люди, а с ними и наши орлы подоставали откуда-то кружки с пивом.

Какой-то Хренов, кажется не наш, выскочил на берег, обвешанный гирляндами воблы. Эти гирлянды болтались на нём, как ожерелья на туземных таитянках. Он раздавал всем по вобле на брата, а остальные приплясывали вокруг него и кричали:

– Вобла оттягивает!

Наши Хренов с Семёновым, отплясав своё, костями воблы уже кидались в океан и носом сдували пену из пивных кружек.

– Оттягивает! Оттягивает! – ворковали они.

– Неужели это так? – говорил Суер. – Неужели стоит только раздеться – и тебе выдают пиво и воблу? Ни в одной стране мира я не встречал такого обычая. Иногда я задумываюсь: а не пора ли и мне на воблу?

– И на пиво, сэр, – пискнул Кацман.

Мы оглянулись и увидели, что лоцман сидит в шлюпке абсолютно голый. Он дрогнул под взглядом капитана, и синяя русалка, выколота на его груди, нырнула под мышку.

– Ладно, раздевайтесь, хлопцы, – сказал капитан. – Мы ещё не едали воблы на отдалённых берегах.

И он снял свой капитанский френч.

Мы с Пахомычем не стали жеманиться, скинули жилеты и обнажили свои татуировки.

Шлюпка пристала к берегу. Тут же к нам подскочили Хренов и Семёнов и выдали каждому по кружке пива и по хорошей вобле. Славно проявленная, она пахла солью и свободой.

– Пиво в тень! – приказал капитан. – Вначале войдём в неведомое сооружение. Все по порядку.

Мы прикрыли свои кружки воблой и поставили в тенёк, а рачительный Пахомыч накрыл всё это дело лопушком.

На ближайшем неведомом сооружении висела вывеска:

ВОРОНЦОВСКИЕ БАНИ

– Что за оказия? – удивился Суер. – Воронцовские бани в Москве, как раз у Ново-Спаского монастыря.

– И здесь тоже, сэр! – вскричал Хренов.

– Здесь и Семёновские есть! – добавил Семёнов. – А в Москве Семёновские ликвидировали!

Тут из Воронцовских бань выскочил сизорожий господин и крикнул:

– Скорее! Скорее! Я только что кинул!

И мы ворвались в предбанник, а оттуда прямо в парилку.

Чудовищный жар охватил наши татуировки.

С лоцмана ринул такой поток пота, что я невольно вспомнил о течении Ксиво-пиво. Удивительно было, что наш слабовольный лоцман сумел произвести такое мощное явление природы.

– Что же это? – шептал он. – Неужто это остров неподдельного счастья?

Да, это было так. Счастье полное, чистое, никакой подделки. Жители острова парились и мылись с утра и до вечера. Мыло и веники берёзовые им выдавались бесплатно, а за пиво и воблу они должны были только радостно скакать.

Весь день мы парились и мылись, скакали за пиво и прятали его под лопушки, и доставали, доставали, поверьте, из лопушков, и обгладывали воблю головку, и прыгали в океан. Пахомыч до того напарился, что смысл почти все свои татуировки, кроме, конечно, надписи «Помни заветы матери». А надпись «Нет в жизни счастья» он смысл бесповоротно. Счастье было! Вот оно было! Прямо перед нами!

В тот день мы побывали в Тетеринских, Можайских, Богородских, Донских, Дангауэровских, Хлебниковских, Оружейных, Кадашевских банях и, конечно, в Сандунах. Оказалось, что на острове имеются все московские бани³.

– Откуда такое богатство? – удивлялся Суер.

– Эмигранты повывезли, – ответствовали островитяне.

К вечеру на берегу запылали костры, и, раскачиваясь в лад, островитяне запели песню, необходимую для их организма:

---

³ Этот остров посвящается моему великому другу Владимиру Лемпорту.

*В нашей жизни и тёмной и странной
Всё ж имеется светлая грань.
Это с веником в день постоянный
Посещение общественных бань.*

*Что вода для простого народа?
Это просто простая вода.
Братства банного дух и свобода
Нас всегда привлекали сюда.*

*В Тетеринские,
Воронцовские,
Донские,
Ямские,
Машиковские,
Измайловские,
Селезнёвские,
Центральные
И Сандуны.*

*А Семёновские ликвидировали,
А Мироновские модернизировали,
Краснопресненские передислоцировали,
Доброслободские закрыли на ремонт.*

*Было много тяжёлого, было,
Но и было всегда у меня:
Дуб, берёза, мочало и мыло,
Пиво, вобла, массаж, простыня.*

*Тело – голое! Сердце – открытое!
Грудь – горячая! Хочется жить!
В наших банях Россия немытая
Омовенье спешит совершить!*

Они пели и плакали, вспоминая далёкую Россию.

– Мы-то отмылись, – всхлипывали некоторые, – а Россия...

Я и сам напелся и наплакался и задремал на плече капитана. Задрёмывая, я думал, что на этом острове можно бы остаться на всю жизнь.

– Бежим! – шепнул мне вдруг капитан. – Бежим, иначе нам не открыть больше ни одного острова. Мы здесь погибнем. Лучше ходить немытым, чем прокиснуть в глубоком наслаждении.

И мы растолкали наших спящих сопарильщиков, кое-как приодели их, затолкали в шлюпку и покинули остров неподдельного счастья, о чём впоследствии множество раз сожалели.

Глава XVII

Мудрость капитана

Только уже ночью, подплывая к «Лавру», мы обнаружили, что, кроме мичмана, прихватили с собой случайно ещё одного Хренова. Ложного.

Это Пахомыч расстарался в темноте.

– Не понимаю, старпом, – досадовал Суер, – на кой хрен нам на «Лавре» два Хренова? Я и одним сыт по горло.

– Не знаю, кэп, – оправдывался Пахомыч. – Орут все: «Хренов, Хренов», – ну я и перепутал, прихватил лишнего.

– А лишнего Семёнова вы не прихватили?

– Надо пересчитаться, – растерянно отвечал старпом.

Стали считать Семёновых, которых, слава богу, оказалось один.

– А вдруг это не наш Семёнов? – тревожился капитан. – Потрясите его.

Мы потрясли подозреваемого. Он мычал и хватался за какие-то пассатижи.

– Наш, – успокоился капитан.

– Что же делать с лишним Хреновым, сэр? – спрашивал старпом. – Прикажете выбросить?

– Очень уж негуманно, – морщился Суер, – здесь полно акул. К тому же неизвестно, какой Хренов лучше: наш или ложный.

Оба Хренова сидели на банке, тесно прижавшись друг к другу.

Они посинели и дрожали, а наш посинел особенно.

Мне стало жалко Хреновых, и я сказал:

– Оставим обоих, кэп. Вон они какие синенькие.

– Ну нет, – ответил Суер, – «Лавр Георгиевич» этого не потерпит.

– Тогда возьмём того, что посинел сильнее.

Наш Хренов приободрился, а ложный напрягся и вдруг посинел сильнее нашего. Тут и наш Хренов стал синеть изо всех сил, но ложного не пересинел.

Это неожиданно понравилось капитану.

– Зачем нам такой синий Хренов? – рассуждал он. – Нам хватит и нашего, слабосинего.

– Капитан! – взмолился ложный Хренов. – Пожалейте меня! Возьмите на борт. Хотите, я покраснею?

– А позеленеть можете?

– Могу что угодно: краснеть, синеть, зеленеть, желтеть, белеть, сереть и чернеть.

– Ну тогда ты, парень, не пропадёшь, – сказал капитан и одним махом выкинул за борт неправильного Хренова.

И ложный Хренов действительно не пропал. Как только к нему приближались акулы, он то синел морскою волной, то зеленел, будто островок водорослей, то краснел, как тряпочка, выброшенная за борт.

Глава XVIII

Старые матросы

В эту ночь мы не ложились в дрейф.

Хотели было лечь, но Суер не велел.

– Нечего вам, – говорил он, – попусту в дрейф ложиться. А то привыкли: как ночь, так в дрейф, как ночь, так в дрейф.

Ну, мы и не легли. Раздули паруса и пошли к ближайшему острову.

Старые матросы болтали, что это остров печального пилигрима.

– Никак не пойму, открыт этот остров или ещё не открыт, – досадовал Суер. – На карте его нет, а старые матросы знают. Но отчего этот пилигрим печалится?

– Вот это, сэр, совсем неудобно, – стеснялся Пахомыч. – Старые матросы болтают, будто бабу ждёт, подругу судьбы.

Старые матросы топтались на юте, били друг друга в грудь:

– Бабу бы...

– Вообще-то, у нас есть мадам Френкель, – сказал Суер-Вьер. – Чем не баба? Но она непредсказуема.

В этот момент мадам снова закуталась в своё одеяло. Да так порывисто, что у «Лавра Георгиевича» стеньги задрожали.

– Грогу бы... – забубнили старые матросы.

– Старпом, – сказал Суер, – прикажите старым матросам, чтоб прояснились. То им грогу, то им бабу.

– Извините, сэр, бабу – пилигриму, а им только грогу.

– Ну ладно, дайте им грогу.

Пахомыч пошёл за грогом, но наш стюард Мак-Кингсли вместо грогу выдал брагу.

– Грог, – говорит, – я сам выпил. Мне как стюарду положено, квинту в сутки.

– Пинту тебе в пятки! – ругался Пахомыч.

Дали старым матросам браги.

Обрадовались старые матросы. Плачут и смеются, как малые ребята.

– Старая гвардия, – орут, – Суера не подведёт!

А Суер-Вьер машет им с капитанского мостика фуражкой с крабом. Добрый он был и справедливый капитан.

Глава XIX

Остров печального пилигрима

Ботва – вот что мы увидели на острове печального пилигрима. Огуречная ботва. И хижина.

Из хижины, покрытой шифером, и вышел пилигрим.

Описывать его я особенно не собираюсь. Он был в коверкотовом пиджаке, плисовых шароварах, в яловых сапогах, в рубашке фирмы «Глобтроттер». Лицом же походил на господина Гагенбекова, если сбрить полбаки и вставить хотя бы стеклянный левый глаз. У пилигрима такой глаз был. Хорошего швейцарского стекла. С карею каёмкой.

Пилигрим поклонился капитану и произнес спич:

*Какой же это дирижабль
Привёз мою печаль?
О, мой неведомый корабль!
Причаль ко мне, причаль!*

Наш капитан поклонился и приготовил экспромт:

*Я видел, как растут дубы,
Играл на флейте фугу.
И я привёз тебе судьбы
Нетленную подругу.*

– Не может быть, – сказал пилигрим, протирая карюю каёмку.

– Привёз, привёз, – подтвердил старпом. – Она пока в каюте заперта, чтоб не попортилась. А то нам говорили, что вы без подружки печалитесь.

– Я? – удивился пилигрим. – Печалюсь? Что за чушь? Но, конечно, не откажусь, если толк будет.

– Это нам не известно, – сказал Суер. – Привезти-то привезли, а насчёт толку ничего не знаем. Она в каюте заперта.

– Крепко, что ли?

– Не знаю, – смутился капитан, – я не пробовал. Но у меня тоже есть вопрос: почему вас пилигримом называют?

– Кого? Меня? Кто? Первый раз слышу.

– Послушайте, кэп, – кашлянул Пахомыч. – Кажись, ошибка. Это не пилигрим, а долбоёб какой-то. Поехали на «Лавра» – надоед, спасу нет.

– Ничего не пойму, – сказал Суер уже на борту. – Какой мы остров открыли? Печального пилигрима или какой другой?

– Я предлагаю назвать этот остров, – сказал Пахомыч и произнес такое название, которое лежало на поверхности.

Я тут же предложил другое, но и оно, как оказалось, тоже лежало на поверхности.

Тут и матрос Вампиров предложил новое название, которое не то что лежало – оно стояло на поверхности!

Ну что тут было делать? Так и остался остров под названием «Остров печального пилигрима», хотя не было на нём ни пилигрима, ни печали, а только огуречная ботва.

Глава XX

Сущность «Лавра»

Под вечер и по якорной цепи на «Лавра» вскарабкался всё-таки этот Псевдопилигрим. В руках он держал предмет, название которого многие из нас позабыли, потому что давно не бывали на осмысленных берегах.

– Что это? – спросил Пахомыч.

– Гвоздодёр, – ответил Псевдопилигрим и направился прямо к каюте мадам Френкель. Приладив свой инструмент ко гвоздю, он дёрнул и выругался: – Стодвадцатипятка!

Под натиском гвоздодёра гвозди гнило завывали. Они выползали, извиваясь, как ржавые червяки.

Многие матросы побросали вахты и забрались на мачты, чтоб лучше всё видеть.

– Гвозди, – говорил между тем Суер-Выер. – Что такое гвозди? Это предметы, скрепляющие разные сущности. Сущность берёзы гвоздь способен скрепить со смыслом кипариса. Невыносимо! Отвратительно это: скреплять разные сущности таким ржавым железным и ударным образом.

– Послушайте, кэп, – вмешался Пахомыч, – пора подавать команду.

– Какую команду, друг мой?

– Как это какую? Пилигрима бить.

– Полноте, старпом. За что нам его бить? Лично я доволен тем, что он открыл для меня сущность гвоздей. А о мадам Френкель вы не беспокойтесь.

– При чём здесь мадам Френкель, капитан? Он своим гвоздодёром нам всего «Лавра Георгиевича» раскурочит.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, дорогой мой человек. Сущность «Лавра Георгиевича» держится отнюдь не на гвоздях. Поверь, совсем на другом она держится. Пусть вынут из него все гвозди, а «Лавр Георгиевич» станет ещё прочней. И всё так же будет летать по меридианам.

– Я прямо не понимаю, что это с вами сегодня, сэр! – сказал Пахомыч. – Мне плевать на сущность гвоздей, но если в «Лавре» были гвозди, я никому не позволю их выдирать. Наш «Лавр» будет плавать со своими гвоздями.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, – вздохнул Суер, – дорогой мой человек! Ну что с тобой поделаешь? Ладно, иди бей Псевдопилигрима, но прежде прикажи стюарду Мак-Кингсли принести мне в каюту ароматических микстур.

Псевдо же пилигрим к этому моменту выдрал все гвозди. Он стоял перед каютой на колёнах, шептал и что-то плакал:

*Я предан прожитым годам,
Когда мы были вместе.
Вернёмся искренне, мадам,
В сожжённые поместья.*

Тут из каюты высунулась рука, обнажённая до плеч. Она выхватила гвоздодёр и швырнула в небо. Гвоздодёр взлетел ко грот-марса-рее, сшиб зазевавшегося альбатроса и зацепил матроса Вампирова. Матрос рухнул и вместе с гвоздодёром и альбатросом завис на такелаже. Рука же белая за манишку втащила Псевдопилигрима в каюту. И только мы подумали, что соискатель испытывает сейчас верха блаженства миг, как раздался клич:

– Пилигрим за бортом!

– Она вытиснула меня в иллюминатор, – пояснял Псевдопилигрим, дружески захлебываясь в пене океана.

И тут на него налетели чайки. Первая схватила его шляпу, нахлобучила себе на бигуди и улетела. Вторая чайка напялила коверкотовый пиджак, третья – плисовые шаровары, четвёртая – пуловер ангорских шерстей, а уж из-за дублёнки романовской дубки между парой чаек разгорелся настоящий бой.

Тут подлетел ретивый альбатрос, сшибленный прежде гвоздодёром, выхватил дублёнку и полетел примерять её в облака.

– Страсть наказуема, – пояснял стюарду наш капитан сэр Суер-Выер, нюхая ароматические соли и микстуры.

В тишине раздался крепкий неверный стук.

Это Пахомыч заколачивал обратно вынутые преждевременно гвозди.

Глава XXI

Остров тёплых щенков

Моей жене Наталье Дегтярь с любовью посвящаю

Линия холмов, отороченная серпилиями пальм, впадины лагун, обрамлённые грубоидальными ромбодендронами, перистые гармоники дюн, укороченные кабанчиками вокабул, – вот краткий перечень мировоззрения, которое открылось нам с «Лавра», когда мы подходили к острову тёплых щенков.

Конечно, мы знали, что когда-нибудь попадём сюда, мечтали об этом, но боялись верить, что это начинает свершаться.

Сэр Суер-Выер, который прежде бывал здесь, рассказывал, что остров сплошь заселён щенками разных пород. И самое главное, что щенки эти никогда не вырастают, никогда не достигают слова «собака». Они остаются вечными, эти тёплые щенки.

– Уважаемый сэр, – расспрашивали матросы, – нам очень хочется посмотреть на тёплых щенков, но мы не знаем, что с ними делать.

- Как чего делать? – отвечал Суер. – Их надо трепать. Трепать – вот и вся задача.
- А щекотать их можно? – застенчиво спросил боцман Чугайло.
- Щекотание входит в трепание, – веско пояснил капитан.

Совершенно неожиданно трепать щенков вызвалось много желающих. Чуть не весь экипаж выстроился у трапа, требуя схода на берег.

С сомнением осмотрев эту очередь, которая внутри себя пихалась и отталкивалась, капитан сказал:

- Трепать щенков надо уметь. А то иной так понатреплет, что другим ничего не останется.
- Кэп, позвольте потрепать хоть с полчасика, – просил Чугайло.
- Трепать щенков будут старые, испытанные открыватели островов, – решил Суер. – Остальные останутся на «Лавре». А если кому хочется чего-нибудь потрепать, боцман даст пеньки, канатов, а также флаги сопредельных государств.

– Сэр! Сэр! – кричал вперёдсмотрящий Ящиков. – Возьмите меня, я хочу полежать рядом с кабанчиком вокабул.

- А мне хоть бы одну серпилию пальм понюхать, – говорил Вампиров.
- Отвали от тырапа! – ревел Пахомыч. – А то привезу с острова кусок грубоидального ромбодендрона и как дам по башке!

– А серпилии пальм нюхать нельзя, – объяснял Суер. – Человек, который нанюхался серпилии, становится некладоискательным. Если даже у него под ногами будет зарыт самый богатый клад – он его никогда не найдёт.

Это неожиданно многих отпугнуло.

Все как-то надеялись, что когда-нибудь мы напоремся на какой-нибудь заваливающий остров с кладом.

Под завистливый свист команды мы погрузились в шлюпку и пошли к острову.

Подплывая, мы глядели во все глаза, ожидая появления щенков, но их пока не было видно.

Причалив честь по чести, первым делом мы побежали к ближайшей серпилии пальм, разодрали её на куски и нанюхались до одурения.

Суер серпилию нюхать не стал.

Он разлётся под грубоидальным ромбодендромом и смеялся как ребёнок, глядя, как мы кидаемся друг в друга остатками недонюханной серпилии.

– А клада нам не надо! – рифмовал Пахомыч. – Нам серпилия роднее! К ней бы только стаканчик вермута!

Ну, я налил Пахомычу стаканчик. Я знал, что вермут к серпилии очень расположен, и захватил пару мехов этого напитка.

Лоцман Кацман тоже запросил стаканчик, но тут капитан сказал:

– Уберите вермут. Слушайте!

В тишине послышался щемящий душу жалобный звук.

– Это скулят щенки, – пояснил Суер, – они приближаются.

Тут из-за ближайшего кабанчика вокабул выскочил первый щенок. Радостно поскуливая, взмахивая ушами, виляя хвостом, он уткнулся носом в грубые колени нашего капитана.

– Ах ты дурачок, – сказал Суер, – заждался ласк.

– Угу-угу, – поскуливал щенок, и капитан начал его трепать.

Поверьте, друзья, я никогда не видывал такого талантливого и весёлого трепания!

Суер щекотал его мизинцем под подбородком, гладил и похлопывал по бокам, хватал его за уши и навивал эти уши на собственные персты, чесал живот то свой, то щенячий, распушивал хвост и играл им, как пером павлина, бегал по его спине пальцами, делая вид, что это скачет табун маленьких жеребцов.

Со всех сторон из-за кабанчиков и ромбодендронов к нам повалили щенки.

Это были лайки и терьеры, доги и немецкие овчарки, пудели и ризеншнауцеры, дратха-ары и ирландские сеттеры.

И мы принялись их трепать.

Вы не поверите, но иногда у меня оказывалось под рукой сразу по семь – по восемь щенков. Я катался с ними по траве и трепал то одного, то другого.

Пахомыч, нанюхавшийся серпилии, частенько путал щенков с лоцманом Кацманом, трепал его и подымал за уши над землёй.

Кацман совершенно не спорил и блаженно скулил, путая себя со щенками. Правда, поднятый за уши, он больше походил на кролика.

Должен сказать, что я трепал щенков, строго следуя примеру капитана, и за минуту оттрепывал по две – по три пары.

– Главная задача, – пояснял Суер, – оттрепать всех щенков до единого.

И мы трепали и трепали, и я не уставал удивляться, какие же они были тёплые. Никогда в жизни не видывали мы эдакой теплоты и приятной влажности носа.

У Пахомыча в карманах обнаружилась ливерная колбаса. Он кормил ею дворняг, одаривал такс и бульдогов. Вокруг старпома образовалась целая свора жаждущих ливера щенков.

Лоцман Кацман, совершенно превратившийся в щенка, тоже выпрашивал кусочек. Пахомычу приходилось отпихивать лоцмана левым коленом.

До самого вечера трепали мы щенков, а на закате стали прощаться.

Суер плакал как ребёнок. Он снова и снова кидался на колени и перецеловывал всех щенков.

С большим трудом погрузились мы в шлюпку. Только лоцман катался ещё по траве, разделяя со щенками прощальный кусок ливерной колбасы.

Тут к нему подскочил какой-то кабанчик вокабул, боднул его в зад, и лоцман влетел в шлюпку.

А в шлюпке мы обнаружили какого-то совершенно неоттрёпанного щенка. Ему ничего в жизни не досталось.

– Возьмём его с собою, капитан, – умолял старпом. – Оттрепем на борту, накормим. И команде будет повеселей!

– Нельзя, – сказал капитан, – ему нельзя жить с людьми. Ну, оттрепем, накормим, а там он превратится в собаку и скоро умрёт. Нет.

– Извините, сэр, – не выдержал я, – неужели вы предполагаете, что на продолжительность жизни собаки влияет именно человек?

– Не сомневаюсь, – сказал капитан. – К тому же преданность, или, если хочешь, собачья преданность, или, если хочешь – любовь, сокращает век, хотя и украшает жизнь.

И мы оттрепали по очереди этого щенка, отпустили его, и он вплавь добрался до берега.

К сожалению, на «Лавра» мы так ничего и не привезли – ни серпилии пальм, ни грубоидального ромбодендрона. Правда, Суер прихватил с собой одну небольшую перистую гармонику дюн.

Мы подарили её боцману, и Чугайло играл иногда на ней тоскливыми вечерами.

Глава XXII

Встречный корабль

Сэр Суер требует, чтоб я записывал все подробности плаванья.

– Пиши всё как было! – кричит он порой с капитанского мостика, на который никогда не всходит.

Я стараюсь, но описывать некоторые подробности просто стило опускается.

Ну зачем, скажите, описывать толстую бабу с хозяйственной сумкой, которая стояла посреди океана и махала нам, чтоб мы её подвезли?

На чём она стояла среди волн, я даже толком не разобрал: то ли на овощном ящике, то ли на бочке, то ли просто на подпяточном острове.

Вы, конечно, слыхали, что на океане встречаются такие пяточные, или подпяточные, острова. Суши там ровно на пятку. Я даже знал одного капитана, который открыл такой остров и рядом с пяткой вонзил ещё флаг собственного государства. Потом, говорят, открыл аптеку, два питейных заведения, корт, пункт обмена валюты, рулетку и бассейн. Этот бассейн возмутил население острова, и они свергли всё, что было навергнуто.

Встречаются, конечно, острова и побольше. Боцман Чугайло называет их «попиджопные». Ну, это уж дело боцмана называть их как угодно, а лично я описывать их не собираюсь.

Резко и решительно не желаю рассказывать о встреченных нами кораблях. Ну проплыла однажды мимо нас пиратская галера «Тарас Шевченко», ну и что?

Вообще-то, мимо нас плавать опасались. Стороной обходили.

Только однажды чёрный корвет подошёл вплотную. Мы думали, это «Бигль» или «Коршун». Увы!

Вот выписка из вахтенного журнала:

«В двадцать пять часов сто минут, сильно кренясь на правый борт, салютуя из револьверов, мимо фрегата „Лавр Георгиевич“ на полном ходу промчался корвет „Лаврентий Павлович“. Напуганный скрипом нашей ватерлинии, через полминуты он затонул».

Глава XXIII

Дырки в фанере

Остров посвящается Татьяне Бек

Недели, наверно, с две, а то и с три-четыре мы никак не могли открыть ни одного острова. Ну не получалось!

Острова-то, не означенные на картах, мелькали там и сям, но мы то обшивали палубу горбылём, то мочили яблоки, то попросту ленились.

Сэр Суер-Вьер, утомлённый открыванием всё новых и новых островов, говорил:

– Невозможно открыть все острова на свете, друзья. Лично я открывать новые острова отказываюсь. Пусть на свете хоть что-нибудь останется не открытым мною.

И наш старый фрегат «Лавр Георгиевич» пролетал мимо островов, с которых порой высывались фиги и тянулись в сторону «Лавра». На других островах сияли туземные рожи, измазанные повидлой, а в пампасах пели хором какие-то младенцы без набедренных повязок. Всё это мелькало мимо наших бортов, пролетало, не задевая души.

Только на одном берегу задела душу стоящая на горе корова. Верхом на ней сидело штук двадцать человек, а с десятков других добровольцев сосали ее необъятное вымя.

Я долго раздумывал о судьбе этой коровы, но скоро и корова позабылась, развеялась ветром океанов.

Наконец запасы питьевой воды у нас истощились, и капитану пришлось согласиться на открывание какого-нибудь острова.

И остров не замедлил появиться на горизонте.

– Не знаю, есть ли на нём вода, – говорил Суер, – но, возможно, найдётся хоть что-нибудь питьевое.

– А пресное не обязательно, – поддерживали мы нашего капитана.

На берег мы взяли с собою бочки и баклаги, баки, цистерны, ведра, лейки, пустые бутылки и нескольких матросов, которые должны были всё это перетаскивать на борт.

Не помню точно, кто там был из матросов. Ну, Петров-Лодкин, Веслоухов, возможно, и матрос Зализняк. А вот кочегара с нами не было. Впрочем, был. Конечно, был с нами и наш кочегар. Ковпак.

Новооткрываемый остров весь был перерезан рвами, в которых и подозревалась вода.

Рвы эти и земляные валы что-то ненавязчиво напоминали, а что именно, мы не могли понять.

Рядом с капитаном стояли мы на берегу, стараясь справиться со своей памятью, как вдруг послышался какой-то треск, и из ближайшего рва показался человек.

Он был ромбической формы и стоял на одной ноге.

И нога эта была какая-то такая – общая нога. Вы меня понимаете?

– Человек, – сказал Суер и указал пальцем.

Выслушав капитана, ромбический человек на общей ноге повернулся боком и тут же исчез.

– Исчез, – сказал Суер, а человек снова появился, повернувшись к нам грудью.

Что за чертовщина! Ромбический туземец явно вертелся. То он поворачивался к нам боком, и тогда его не было видно, то грудью – и тогда он виден был.

– Батенька! – закричал Суер на языке Солнечной системы. – Кончайте вертеться и подойдите поближе!

– Не могу, сударь, – послышался ответ на языке Млечного Пути, – здесь как раз двадцать пять метров.

Высказав это, он опять завертелся.

Тут мы рассмотрели его поподробней.

Скорее всего, он был сделан из фанеры, вот почему и не был виден сбоку. Вернее, был виден как тоненькая чёрточка. Если это была фанера, то уж не толще десятки.

Кроме того, туземец был весь в дырках, которые распределялись по всему телу, но больше всего дырок было на сердце и во лбу.

– Ну что вы на меня уставились, господа? – закричал он на языке смежных галактик. – Стреляйте! Здесь как раз двадцать пять метров!

Мы никак не могли понять, что происходит, возможно из-за этих диалектов. Галактический сленг припудрил наши мозги. Наши, но не нашего капитана!

– Отойди на пятьдесят метров, – строго сказал он на русском языке.

Фанерный отбежал, дико подпрыгивая на своей общей ноге.

– Обнажаю ствол, – сказал капитан и вынул пистолет системы Максимова.

– Стреляйте! – крикнул Фанерный, и капитан выстрелил.

Пистолетный дым опалил черепушку какого-то матроса, возможно Веслоухова, а пуля, вращаясь вокруг своей оси, врезалась в фанеру.

– Браво! – закричал простреленный, окончательно переходя на русский язык. – Браво, капитан! Стреляйте ещё! Десятка!

Суер не заставил себя упрашивать и выпустил в фанеру всю обойму. Только один раз он попал в восьмёрку, потому что лоцман Кацман нарочно ущипнул его за пиджак.

– Какое наслаждение! – кричал Фанерный. – Счастье! Вы не можете себе представить, какое это блаженство, когда пуля пронзает твою грудь. А уж попадание в самое сердце – это вершина нашей жизни. Кого не простреливали – тому этого не понять. Прошу! Стреляйте ещё! В меня так давно никто не стрелял.

– Хватит, – сказал капитан. – Патроны надо беречь. А вот вы скажите мне, любезный, где тут у вас колодец?

– Колодец вон там, поправее. В нём кабан сидит! Эй, кабан! Вылезай, старая ты глупая мишень! Вылезай, здесь здорово стреляют! Кабаняро! Вываливай!

Недовольно и фанерно похрюкивая, из колодца поправее вылез здоровенный зелёный кабан, весь расчерченный белыми окружностями. Он повернулся к нам боком и вдруг помчался над траншеей, имитируя тараний бег.

– Стреляйте же! Стреляйте! – крикнул наш ромбический приятель. – Делайте опережение на три корпуса!

Капитан отвернулся и спрятал ствол в карман нагрудного жилета.

Лоцман Кацман вдруг засуетился, сорвал с плеча двустволку и грохнул сразу из обоих стволов! Дым дуплета сшиб пилотку с кочегара Ковпака, а сама дробь в кабана никак не попала. Она перешибла чёрточку в фамилии Петров-Лодкин.

Первая половинка фамилии – а именно Петров – подлетела в небо, а вторая половинка – Лодкин – ухватила Петрова за ногу, ругая лоцмана последними словами вроде «хрен голландский».

Кабан развернулся на 630 градусов, побежал обратно и спрятался в свой колодец.

– Хреновенько стреляют, – хрюкал он из колодца фанерным голосом.

– Да, братцы, – сказал наш ромбический друг на общей ноге, – огорчили вы кабана. Не попали. А ты бы, кабан, – закричал он в сторону колодца, – бегал бы помедленней! Носишься, будто тебя ошпарили!

– Эй, кабан, – крикнул Пахомыч, – у тебя там в колодце вода-то есть?

– Откуда? – ворчал кабан. – Какая вода? Придумали ещё! Дробью попасть не могут.

– Эх, лоцман, лоцман, – хмурился капитан, – к чему эти фанерные манеры? Зачем надо было стрелять?

– А я в кабана и не целился, – неожиданно заявил Кацман, – я в чёрточку целился. Попробуйте-ка, сэр, попадите в чёрточку фамилии Петров-Лодкин. Признаюсь, эта чёрточка давно меня раздражала.

– Благодарите судьбу, что вы попали не в мою чёрточку, – сказал Суер-Выер.

Между тем петровлодкинская чёрточка болталась в воздухе на довольно-таки недостижимой высоте.

– Эй ты, дефис! – орал матрос, лишённый чёрточки. – На место!

– Мне и тут хорошо, – нагло отвечал дефис, – а то зажали совсем. С одной стороны Лодкин давит, с другой – Петров. Полетаю лучше, как чайка.

– Хватит валять дурака, – решительно сказал Суер. – Эй, кабан, вылезай! Лоцман, одолжите ваш прибор.

Кабан выскочил и, недовольно хрюкая, побежал по прямой. Капитан пальнул, и кабан рухнул в траншею.

– Вот теперь неплохо, – хрюкнул он. – Перебили мне сонную артерию! Давненько такого не бывало! А если вам вода нужна – пожалуйста. У меня тут в траншее сколько угодно. С дождями натекло.

На звуки наших выстрелов из соседних рвов и щелей стали вылезать всё новые фанерные фигуры.

Были тут солдаты и офицеры, немцы и русские, душманы и башибузуки и чуть ли не весь животный мир: слоны, косули, лебеди, утки, медведи, зайцы, чёрт знает что!

Они маячили над своими рвами, явно приглашая нас пострелять.

– Некогда, братцы! – кричал Пахомыч. – Воду надо таскать!

Пока мы таскали воду, ромбический человек, простреленный Суером, как мог, успокаивал своих сотоварищей:

– Не волнуйтесь, ребята! Они ещё постреляют, когда воды наберут.

– Мы потом по всем по вам картечью с борта жажнем! – уверял и Пахомыч.

– Вы уж жахните, пожалуйста, – просил Фанерный, – не подводите меня.

Между тем вся эта фанерная пинакотека тихо скулила и жалобно протягивала к нам свои простреленные десятки.

Перепрыгивая рвы и траншеи, мы с капитаном обошли этот трагический ряд мишеней.

Я чувствовал, что капитан очень жалеет их и готов пострелять, но тратить даром патроны было некапитанской глупостью.

Суер-Вьер гладил слонов, жал руки офицерам. Одного простреленного душмана он много раз прижимал к сердцу. Тот был до того жалок и так мало прострелен, что мы насчитали всего 143 дыры.

– Пальните в меня, братцы! – просил душман.

Капитан не выдержал и с двух шагов пальнул ему в сердце.

А когда мы вернулись на корабль, Суер-Вьер велел зарядить пушку картечью, и мы жакнули по острову.

Выстрел получился на редкость удачным: многие мишени, разбитые вдребезги, были выбиты из своих траншей.

От пушечного грома в небо взметнулась сотня тарелочек, ну тех самых допотопных тарелочек, по которым когда-то мы стреливали влёт бекасинником.

Стая тарелочек перепугала петровлодкинский дефис.

В ужасе ринулся он с поднебесья вниз и, расталкивая боками Петрова и Лодкина, встал на своё место.

Глава XXIV

Остров Уникорн

– А остров Уникорн, друзья, – рассказывал Суер-Вьер, – открыт ещё в пятом веке до новой эры капитаном Ктессом. Но сейчас это открытие считается недействительным, потому что эра – новая.

– Новая? – удивился лоцман Кацман. – С чего это она такая уж новая?

Капитан неожиданно закашлялся. Он явно не знал, что сказать. Прищурившись, внутренним своим взглядом рассматривал он нашу новую эру, но ничего такого уж особо нового в ней, кажется, не находил.

– Ладно тебе, – толкнул лоцмана старпом, выручая капитана, – сказано тебе: новая – значит, новая, сиди и помалкивай.

– По большому счету, э... – продолжал Суер. – По большому счету, э... надо бы снова открыть этот остров.

– Ну давайте откроем, сэр, – сказал Пахомыч, – чего тянуть? Плевали мы на эру...

Остров Уникорн сам открылся нам издалека.

Подобный многоэтажному торту, лежал он среди океанских гладей, и, как марципаны, то там то сям торчали и блистали розовые везуви, а вместо сливочных роз пышно вздымались пальмы.

Никаких серпилий, к сожалению, видно не было. Вместо листьев с пальм свешивались запятые, а также буквы «икс» и «игрек».

– Запятых да игреков, пожалуй, не нанюхаешься, – задумчиво сказал Кацман.

– Иксы можно сварить и съесть, – пояснил Суер, – очень неплохое блюдо, напоминает телятину, а игреков можно и на зиму засушить. Старпом, готовьте вельбот!

– Почему не шлюпку, сэр?

– В чем дело? – удивился капитан. – В вельбот мы сможем погрузить значительно больше иксов и игреков, а запятые, кстати, годятся к бульону вместо лаврового листа.

Кроме вёсел, мы с собой в вельбот захватили ещё и грабли, чтоб удобней было сгребать запятые, когда они понападают с пальм.

Сойдя на берег, мы сразу принялись трясти пальмы.

Запятые посыпались охотно. Правда, одна запятая упала на голову лоцману, пробила шляпу и вырвала клочок волос, а другая умудрилась прорваться за шиворот старпому.

Она корябалась под тельняшкой и щипалась.

Пахомыч с проклятьем вырвал её, шмякнул об камень и растоптал. Иксы и игреки отрывались с трудом, их приходилось срубить корабельными топорами, но всё-таки мы набрали целую тачку этих латинских знаков.

Впрочем, совсем недолго мы так баловались и прохлаждались с иксами и запятыми. Ненавязчивый, но всё нарастающий гром и топот послышались вдали.

– Скорее в вельбот! – крикнул капитан. – К чёрту лишние запятые! Бросайте их! Бежим! Бежим! Это Уникорн!

Немыслимый глухой рёв послышался за скалами, и мы увидели вдруг острую пику. Она вылезала из-за скалы и нарастала, нарастала, постепенно утолщаясь.

– Чёрт подери! – кричал капитан. – Я не думал, что он ещё жив! Капитан Ктесс видел его в пятом веке до нашей эры! А сейчас эра-то новая!

– Навались! Навались! – командовал Суер. – Левая – загребай! Правая – табань! Подальше от берега, а то он достанет нас! Достанет!

Матросы наваливались изо всех сил, а пика, толстенная, как сосновое бревно, и острая, как сапожное шило, всё вываливала из-за скалы.

Наконец дьявольский вывал прекратился, и мы увидели, что это не пика, а огромный рог, приделанный ко лбу мускулистого существа с бёдрами оленя, хребтиной буйвола, холкой харрабанды, рёбрами зебры, жабрами жабры, умбрами кобры и шкундрами шоколандры. У него были густые вепри, ноздри и брежни.

– Это он! – кричал капитан. – Это Уникорн! О боже правый! Какой у него страшный корн! Какой рог! Какой церос!

Да, друзья, это был Уникорн, или так называемый Моноцерос, которого русские подполковники чаще всего называют Единорогом.

Разъярённый отсутствием многих запятых, он подскакал к берегу и стал тыкать своим рогом в наш хорошо осмолённый вельбот.

Слава Создателю, что мы успели уже далеко отвалить от берега, и страшный бивень поло-совал нейтральные воды, подкидывая в воздух акул и осьминогов.

Глава XXV

Дротики и кортики

– Да, это единственный выход, – говорил сэр Суер-Выер, расхаживая по палубе взад и вперед. – Единственный.

Мы никак не могли понять, что творится с нашим капитаном, и жарили свои запятые.

Их, оказывается, очень даже легко жарить.

Получается вкуснее, чем грибы.

Только масло нужно особое. Мы жарили на масле, которое накачали на острове масляных пчёл. Тамошние пчёлы откладывают в соты первоклассное подсолнечное масло. Забавно, что подсолнухи на острове не растут, и пчёлы собирают масло прямо с облаков. Правда, с особых облаков, с тех, что называются «кумулюсы».

А боцман Чугайло от этих жареных запятых вообще с ума посходил.

У него как-то в голове не укладывалось, что знаки препинания можно жарить. А когда уложилось, он нанизал запятые, как шашлык, на шампур, натолок иксов и игреков.

– А это, – говорит, – у меня будет сухой соус.

Развёл мангал и стал прокалывать запятые. Вонь стояла ужасная, а боцман ел, обливаясь потом. Кошмарный, скажу вам, тип был наш боцман Чугайло.

– Да! Это единственный выход! – окончательно и твердо произнёс Суер-Вьер, стукнул кулаком по бочке с порохом и подошёл к каюте мадам Френкель.

– Мадам! – сдержанно сказал он в закрытое дверью пространство. – Поверьте, это единственный выход!

– Не знаю ничего, не желаю, – послышалось за дверью.

– Мадам! Вы мне обещали! Дело в том, что мы находимся неподалёку от острова Уни-корн.

– Неужели уже?

– Увы.

И капитан отошёл от каюты.

На следующее утро самые дюжие матросы выстроились у дверей каюты мадам Френкель.

Дверь приоткрылась, и на пороге явилась мадам, абсолютно закутанная в своё одеяло. Мне показалось, что одеяло даже не одно, потому что виднелись ещё какие-то квадраты и полосочки, но в точности я не ручаюсь. Возможно, и одно, но высочайшего класса закутки.

Самой же мадам видно никак не было. Только прядеклок рыжих волос торчал из конвертика, венчающего это стёганое сооружение.

Взвалив мадам на плечи, матросы понесли её к вельботу и опустили на таях в это просторное судно. За нею попрыгали и мы с капитаном.

Капитан приказал нам захватить с собою разное холодное оружие, и мы взяли в основном дротики и кортики.

– Зачем нам всё это? – расспрашивал лоцман Кацман, неуверенно размахивая дротиком.

– Уникорна колоть, – сдержанно ответил Суер.

– Сэр! – удивлённо сказал лоцман, открывая рот наподобие буквы «Э». – Сэ-Э-эр! Зачем нам его колоть?

– Чтоб добыть его рог, – пояснил капитан. – Рог Уникорна – это ценный товар. Мы после продадим его на рынке возле пролива Маточкин Шар.

– Да! Да! – заорали мы с Пахомычем. – Продадим рог у пролива!

– Но зачем же нам мадам Френкель, господа?

– Это приманка, лоцман. Понимаете? Бешеного Уникорна можно успокоить только видом прекрасной и молодой женщины.

– Да так ли уж она молода и прекрасна? – спрашивал надоедливый лоцман.

Тут из одеяла высунулась рука, обнажённая до плеч, вlepила лоцману пощёчину и снова вкнуталась в своё одеяло.

Добравшись до берега, мы возложили мадам Френкель на бледную скалу галапагосского порфира, напоминающую ложе Амфитриты.

– Здесь, мадам, и будете разворачиваться, – сказал капитан. – Всё должно быть по плану. Как только услышите топот копыт – сразу начинайте разворачиваться... В укрытие, друзья! Готовьте дротики и кортики!

Мы нырнули в укрытие, которое состояло из беспорядочно наваленных обломков иксов и игреков, и Пахомыч сразу начал точить свой дротик.

Точил он его обломком икса, визг и скрежет раздавались ужасные.

– Прекратить точить дротик! – приказал капитан.

В этот момент и послышался чудовищный топот.

Главы XXVI–XXVII

Рог Уникорна

– Разворачивайтесь! – крикнул Суер. – Мадам, раскутывайтесь скорей!

Мадам мешкала.

Развернуть одеяло после многомесячной закутки сразу никак не удавалось.

Топот всё нарастал, нарастал.

Из-за скалы показался острый витой и спиральный рог Уникорна.

Мадам, чертыхаясь, дёргала одеяло взад-вперёд, но вылезти из него никак не могла.

– Надо было самим её раскутать! – шептал, дрожа, лоцман. – Эх, кэп, погибнем ни за грош из-за одеяла.

Яростный Уникорн выскочил из-за скалы и первым делом, конечно, заметил нас в укрытии. Эти чёртовы иксы и игреки ни черта нас не скрывали. То оттуда, то отсюда торчали наши уши и ботинки.

Дьявольский блеск вспыхнул в глазах единорогого чудовища. Топающим шагом он направился к нам, совершенно не замечая, что на скале бьётся в одеяле наша пресловутая мадам.

Тут из укрытия выскочил лоцман Кацман и, подпрыгивая, бросился к вельботу.

Уникорн взревел.

– Дрянь! – крикнул Кацман и метнул в чудовище свой дрожащий дротик.

Дротик в Моноцероса, конечно, не попал. Он подлетел к мадам Френкель и стал как-то необъяснимо копать в её одеяле.

От этих копаний одеяло внезапно развернулось, и мадам Френкель предстала перед островом обнажённая, как свеча.

Дротик отвалился.

Мы обмерли за своими иксами, а Уникорн, с проклятьями размахивая рогом, носился за лоцманом по песчаному берегу океана. Лоцман увертывался, как сверчок.

Уникорн сопел. Он совершенно не замечал нашей мадам Френкель, которая заманчиво поворачивалась из стороны в сторону. Понимая, что её красота пропадает даром, мадам крикнула:

– У-ни-коорн!

Страстно прозвучало в её устах это суховатое слово и особенно гортанно и обещающе – «коорн».

Зверь туповато потряс башкой, проверяя, не ослышался ли, и тут увидел мадам.

Это зрелище совершенно потрясло его. Он мелко заблеял, засеменил ресницами, завертел флюгером хвоста.

Мадам неожиданно зевнула, потянулась и вообще отвернулась в сторону. Она показывала свою фигуру то оттедова, то отседова, делала ручки над головой и хохотала, виляя бедром.

Уникорн буквально разинул пасть. Ничтожно сопя, направился он к мадам Френкель и, не доходя двух шагов, рухнул перед нею на колени.

– У-ни-коорн, – шептала мадам, – иди сюда, не бойся.

Подползая к мадам Френкель, бедняга Уникорн засунул рог свой меж её груди и успокоился.

Он блаженно блеял и нервно дрожал.

Мадам щекотала его за ухом.

– Всё! – сказал Суер. – Теперь он готов. Пошли его колоть!

И мы пошли колоть Уникорна, размахивая своими дротиками и кортиками. Несмотря на дрожь, которую мы производили, Единорог ничего не слышал, намертво поражённый красотой мадам Френкель.

– Чёрт возьми! – говорил многоопытный Пахомыч. – Я и не думал, что у нас на борту имеется такая красота!

И здесь, уважаемый читатель, не дойдя ещё до описания колки Уникорна, я должен описать красоту обнажённой мадам Френкель.

Ну, скажем, пятки. Розовые пятки, круглые и тугие, как апельсины, плавно переходящие в икры, тоже тугие, хотя и не такие розовые, но набитые икрой, как рыбы самки. И колени были розовые, как апельсины, и апельсиновость колен вызывала жажду и любовь к цитрусовым, которые прежде я не очень-то привечал.

Ну а дальше, по направлению к верху, возвышался так называемый чёрный треугольник, который отрицал возможность сравнения с апельсином, но не уничтожал возникшей внезапно любви к цитрусовым.

Этот убийственный треугольник нуждался бы в более тщательном сравнении и по форме, и по содержанию, но я, поражённый редчайшими углами, шептал про себя:

– Тубероза... тубероза...

Над этой зверобойной туберозой покоился живот, полный вариаций округлого, элегантно подчёркнутый выстрелом пупка. Он манил, звал, притягивал и, в конце концов, ждал.

То же, что находилось над животом, я бы даже как-то постеснялся назвать грудями.

Я бы назвал это взрывами смысла, ретортами безумия.

Они разбегались в стороны, как галактики, в то же время собирая в единое целое тебя как личность.

Между этими галактиками торчал, как в тумане, кривой рог Уникорна.

Капитан схватил Уникорна за рог и стал отрывать его от мадам Френкель. Бедняга Уникорн упирался изо всех сил, дорвавшись до красоты.

– Колите его дротиками, оралы! – кричал Суер.

В этой нервной обстановке капитан комкал слова, называя нас вместо орлов оралами. Но мы действительно менее были орлами и более – оралами.

Дротики наши не втыкались в монстра. Пахомыч ругал механика Семёнова, который перезатупил их, пользуясь дротиками вместо отвёрток и ковырялок в разных патрубках машинного отделения. Мы переломали все дротики и кортики, но оторвать однорогое чудовище от взрывов смысла, то есть от грудей нашей достопочтенной мадам, никак не удавалось.

– Он заходит всё дальше, – тревожно шептала мадам. – Капитан, мы так не договаривались.

Уникорн и вправду, что называется, дорвался. И его, в сущности, можно было понять.

– Понять-то мы его понимаем, – задумчиво говорил капитан, – но и отрывать как-то придётся.

– Выход есть, – сказал Пахомыч, – но очень сложный. Надо привязать его на буксирный канат и рвануть как следует.

– Чем же рвануть, старпом? – спросил Кацман.

– Как это чем? «Лавром»!

Решение было принято, но разгорелись жаркие споры, за какое именно место надо вязать Уникорна буксирным канатом.

– За рог! За его дивный рог! – орал лоцман.

Но тут резко воспротивилась наша покладистая, в сущности, мадам.

– От ваших буксирных канатов воняет дёгтем, – говорила она. – Попрошу вязать от меня подальше.

Подальше от мадам Френкель оказались только копыта, а самозабвенный зверь так брыкался, что вязать его пришлось за талию.

Талия его была толщиной с коньячную бочку, но мы всё-таки обхватили её канатом, задев, к сожалению, иногда и пачкая талию мадам Френкель. Дёргая своей испачканной талией, мадам переругивалась с Пахомычем.

Наконец мы обвязали Единорога морскими узлами, подняли все паруса, разогнали «Лавра» как следует и рванули изо всех сил.

Как ни странно, это помогло. Медленно-медленно пятясь, Моноцерос отъехал от мадам Френкель.

И тут сэр Суер-Вьер подошёл к чудовищу и одним взмахом корабельного топора отрубил его дивный рог.

Мадам заплакала.

– Я предательница, – твердила она. – Я тля.

– Не волнуйтесь, мадам, не волнуйтесь, – успокаивал Суер-Вьер, закутывая её в одеяло, – рог этот останется с нами на борту. Он будет вечно с вами.

Пока «Лавр» держал Уникорна на привязи, мы кинули рог, тяжёлый, как многодубовое бревно, в свой вельбот, сами попрыгали вслед за рогом и быстро довелись до фрегата.

Как только мы перерубили буксирный канат, Уникорн принялся бессмысленно скакать по пляжу. От легкости у него кружилась голова, и он падал порой на колени.

Больно было видеть, горько наблюдать эту картину, и мы с Пахомычем невольно отвернулись.

– Ничего, ничего, – успокаивал нас капитан, – у него новый рог отрастёт. Таков закон произрастаний.

И действительно, не успели мы толком отчалить и сняться с буёв, у нашего обезроженного друга стал появляться новый рог.

Вначале маленький и невзрачный, он всё удлинялся, удлинялся, и самое неприятное заключалось в том, что направлялся он в сторону «Лавра».

– Чёрт возьми! – сказал Суер. – Он растёт со скоростью большей, чем наше движение.

А рог рос и рос и уже мчался на наш корабль с дьявольской стремительностью и силой.

– Он прошибёт нашу ватерлинию! – орал Пахомыч. – Поднять паруса! Румпель под ветер! Шевелитесь, бесенята!

– Отставить, – сказал Суер. – Придётся, видимо, бодаться с ним всеми нашими мачтами.

Устрашающий рог дорос тем временем до нашего фрегата и завис над палубой, спокойно оглядываясь.

Матрос Вампиров подвесил на него гирлянду сарделек, но рог недовольно стряхнул их. Он явно искал чего-то другого.

– Мадам Френкелью не насытился, – сказал Пахомыч.

Тут снова мы вывели нашу несчастную мадам, развернули её, и грандиозный новейший рог удовлетворённо хмыкнул, улёгся между реторт безумия и успокоился.

Это была, поверьте, редкая картина, и мы очень удивлялись, как рог, произрастающий на носу прибрежного животного, пересекая океан, очутился на грудях с нашего фрегата.

– Это закон чувства, – задумчиво сказал Суер-Вьер. – Как порой любопытно наблюдать такие законы в действии... Но – понаблюдали и надо плыть дальше. Бодаться мачтами нам некогда, поступим просто: закутаем мадам.

Мы закутали мадам, и рог сразу потерял ориентиры.

Разочарованно помыкался он над палубой и, подцепив-таки гирлянду сарделек, всосался обратно на остров.

А тот первый, отрубленный рог мы отполировали, трубили в него по праздникам, призывая команду к бражке, а потом продали за бутылку джина какому-то грузчику из Одессы.

Глава XXVIII

Остров Большого Вна

Это был единственный остров, на который сэр Суер-Выер решил не сходить.

– Останусь на борту, – твердил он.

– В чём дело, кэп? – спрашивали мы с лоцманом. – Всё-таки это не полагается. Открывать остров без вас как-то неудобно.

– Ничего страшного. Откроете один остров без меня.

– Но нам важно знать причины, – настаивал лоцман. – В чём причины вашего несхода на берег?

– Причины личного порядка, – отвечал Суер. – Не могу. С этого острова пахнет.

Мы принялись, но никакого запаха не ощутили.

Остров был явно вулканического происхождения.

Посредине возвышался давно, кажется, потухший вулкан. Лава изверглась из него, застыла и окаменела. Она стекала к берегу плавными грядками.

– Возьмите с собою мичмана Хренова, – рекомендовал нам капитан. – Остров унылый и гнусный, может быть, хоть мичман что-нибудь отчебучит.

На берег мы высадились в таком порядке: Пахомыч, лоцман и мичман. Я замыкал шествие, крайне огорчённый отсутствием капитана. Кроме того, мне казалось, что действительно чем-то пахнет, и я уже ругал себя, что не остался с Суером на борту.

Первым делом мы решили взобраться на вулкан и посмотреть, действует ли он или уже бездействует.

– Кажется, бездействует, – рассуждал я, – но какой-то запах испускает, значит, немного действует. Чем же это пахнет?

– Да не пахнет ничем, – успокаивал Пахомыч. – А если и пахнет, так это вулканической пемзой, ну той, которой ноги моют. Весьма специфический запах.

– А по-моему, старпом, пахнет чем-то более тонким, – спорил с ним лоцман.

Мичман Хренов вроде бы и не чувствовал никаких запахов. Ничего пока не отчебучивая, он дышал полной грудью, довольный, что его списали на берег.

Так мы продвигались по направлению к вулкану, медленно поднимаясь на его отроги. Удивляло отсутствие чего-нибудь живого, хоть бы птичка какая или травинка, – лава, лава, лава.

Отчебучил неожиданно лоцман.

– У меня что-то с животом, – сказал вдруг он. – Бурчит что-то. Это, наверно, акулья кулебяка! Наш кок Хашкин, пожалуй, её недожарил. Не могу больше, братцы!

И лоцман вдруг скинул шаровары и стремительно присел.

Этот жест лоцмана послужил неминуемым сигналом. Мы все сразу вдруг почувствовали неправильность акульей кулебяки. Пахомыч крепился, а мы с мичманом, ругая кока Хашкина, решили немедленно испытать облегчение и присели.

Оправившись чин по чину, мы продолжили восхождение.

Вдруг не выдержал Пахомыч. И этот мощный дуб внезапно рухнул, то есть повторил наши поступки.

С ним за компанию присел и лоцман.

Мы с мичманом продержались минутки две и, ругая Хашкина, вторично испытали облегчение, за нами вскорости лоцман и снова Пахомыч.

Это было какое-то чудовищное действие акульей кулебяки.

Мы продолжали восхождение, но уже приседали через каждые пять шагов по очереди. В единицу времени из всех четверых, движущихся к вулкану, был по крайней мере один приседающий.

– Боже мой, – сказал вдруг лоцман, – я всё понял! Всё это вокруг нас вовсе не вулканическая лава.

– А что же это? – воскликнули мы, смутно догадываясь.

– Это вно!

– Не может быть, – сказал мичман. – Откуда вно? Ведь здесь же нету ни одного человека. Откуда взяться вно?

И тут в недрах острова послышались какие-то взрывы и толчки. Что-то заклекотало, забурчало, забулькало.

– Назад! Назад! – закричал старпом. – Скорее в шлюпку!

В его голосе прозвучал такой неподдельный ужас, что мы кинулись к берегу.

Остров затрясся. Оглушительный взрыв раздался на вершине вулкана, и из кратера вырвалось облако удушливого газа.

– Боже мой! Боже! – орал мичман, полуоглядываясь. – Обратите внимание на форму вулкана! Это же каменная задница!

Мы бежали к шлюпке, а вулкан действовал уже вовсю. Лава, если это было можно так назвать, пёрла из жерла потоками. Она нагоняла нас, нагоняла.

Первым увяз мичман, за ним лоцман.

Только мы с Пахомычем успели вспрыгнуть в шлюпку. Лоцман и мичман прочно увязли во вне.

– Внодышащий вулкан! Внодышащий вулкан! – орал лоцман, изобретая новый географический термин. – Сэр старпом, не покидайте нас, а то мы утопнем во вне! Старпом-сэр! Стар-пом-сэр! Стар-сэр-пом!

Мичман Хренов, к удивлению, молчал и отбрыкивался от вна меланхолично.

– Бывали мы и во вне, – бурчал он, – и не раз ещё будем, так что чем-чем, а уж вном нас не удивишь. Кстати, мне кажется, что это уже не совсем чистое вно, состав его как-то переменялся. Господин старпом, бросьте мне, пожалуйста, черпак.

Пахомыч бросил ему черпак, которым мы откачивали воду со дна шлюпки, мичман черпанул вна и стал его внимательно изучать в монокль. Только тут мы заметили, что так называемая внолава заблестала под пасмурным небом тяжело, жёлто и металлически.

– Это уже не вно, – сказал Хренов, – это золото. Киньте мне корзинку.

И действительно, золото, чёрт побери, золото пёрло из жерла, сдобренное, правда, невероятнейшим запахом.

– Это не золото, – сказал Пахомыч. – Это золотое вно.

Он кинул мичману корзинку, и мичман, зажимая нос, набрал полную корзинку золотого вна.

Потом, уже на борту, он вручил эту корзинку нашему капитану.

– Похоже на золото, сэр, – сказал он. – Большая редкость, думаю, что дорого стоит.

– Отчего же такая вонь?

– Думается, что это всё-таки не совсем золото, а скорей золотое вно, – сказал мичман, – но я знаю в Москве пару банков, в которых особое чутьё на золото. Они затыкают нос, сэр, поверьте, заткнут и на этот раз.

– Вно есть вно, – сказал Суер, – даже и золотое. – И он одним ударом капитанского сапога вышиб за борт корзинку с золотым вном.

Корзина, конечно, не затонула и до сих пор болтается где-то в волнах Великого Океана.

Глава XXIX

Кроки и Кошаса

Открывая наши острова, мы, конечно, заносили их на карту.
Это ответственнейшее дело было поручено мичману Хренову.

Обычно после открывания очередного острова в кают-компании собиралась сверхсекретная группа, в которую, кроме меня и капитана, входили старпом и лоцман.

Под рюмочку кошасы мы придумывали название очередному острову, а после вместе с широтами и долготами выдавали это всё мичману. Полагалась ему и рюмочка кошасы.

Взяв кошасу под мышку, мичман, хмыкая, уходил куда-то к себе и заносил всё на карту. Карту эту он почему-то называл «кроки».

– Сейчас занесу на кроки, – говорил он обычно, помахивая кошасой.

И вот, что, бывало, ни скажешь мичману, дрова пилить или картошку чистить, он всегда отнекивался:

– Кроки, кроки, у меня кроки.

Когда он не появлялся в кают-компании на наших вечерних приёмах корвалола, мы оправдывали его:

– Кроки! Хренов делает кроки!

Как же, собственно, он их делает, толком никто не проверял.

Однажды въедливый Кацман предложил всё-таки эти кроки осмотреть. Мы заманили мичмана кошасой и предложили предьявить кроки.

Боже мой, что же это были за кроки! Я таких крок никогда не видывал: грязные, облитые какао, прожжённые пеплом сигар.

Кроме того, все острова по виду у него напоминали овал. Огурчик побольше, огурчик поменьше, то банан, а то баклажан. Мы, конечно, бывали и на таких баклажановых островах, но встречались и треугольные груши, и квадратный картофель, я уж не говорю о более сложных формах вроде кружки пива.

Мы отругали мичмана и перерисовали все острова собственноручно. Установили окончательные официальные названия всех островов и определили их формы. Вот краткий перечень:

1. Остров Валерьян Борисычей – формы кривого карандаша.
2. Остров сухой груши – яйцеобразный с деревом посередине.
3. Остров неподдельного счастья – напоминает Италию без Сицилии, сапогом кверху.
4. Остров печального пилигрима – определённой формы не имеет, более всего склоняясь очертаниями к скульптуре «Рабочий и колхозница».
5. Остров тёплых щенков – по форме напоминает двух кабанчиков вокабул, соединённых между собой хвостами.
6. Остров заброшенных мишеней – в форме офицера.
7. Остров Уникорн – по форме напоминает ланиты Хариты.
8. Остров большого вна – золотое руно с вулканическим задом.

Пожутив мичмана, капитан выдал ему новые кроки с приложением небольшого количества кошасы. А мичман снова всё перепутал: кроки выпил, а на кошасе стал красками рисовать.

Глава XXX

Остров пониженной гениальности

Этого непознанного острова, этого причудливого изобретения природы вначале просто-напросто никто не заметил.

Дело в том, что он лежал ниже уровня океана.
И значительно! Метра на четыре с половиной!

Не знаю уж, каким чудом мы не напоролись на рифы и вообще не ввалились вместе со всем нашим «Лавром Георгиевичем» в бездну этого куска суши.

А волны морские, дотекая до острова, странным образом обходили его стороной, не говоря уж о приливах и отливах.

Мы притормозили «Лавра» на гребне какого-то полудевятого вала, отдали якоря... гм... боцману Чугайле, и он, поиграв с ними, бросил якоря в воду.

К сожалению, боцман промахнулся, и один якорёк, названием «верп», залепил прямо на остров.

Наш верп, прилетевший с неба, вызвал значительный переполох среди жителей. В нижнем белье они выскочили на улицу из своих домиков, в большинстве девятиэтажных с лоджиями, и принялись скакать вокруг якоря. Некоторые решительно хватали верп наш и пытались забросить его на «Лавра».

– Сбросить верп полегче, чем закинуть на борт, – заметил Пахомыч, крайне недовольный боцманом. – Господин Чугайло, вы мне ещё ответите за этот якорь.

– Господин старпом, обратно я заброшу его играючи.

По якорной цепи боцман ловко, как шимпанзе, спустился на остров и только хотел кинуть верп, как туземцы окружили его, схватили и стали, как говорится, бить боцмана в белые груди.

Боцман машинально отвечал им тем же: хватал туземцев и бил их в белые груди.

– Сэр! Сэр! – кричали мы капитану. – Они бьют друг друга в белые груди!

– В сущности, – отвечал Суер, – в сущности, некоторые из побиваемых грудей не так уж и белы. Но, конечно, надо выручать боцмана.

Вслед за капитаном и лоцманом и мы с Пахомычем поползли вниз по якорной цепи выручать верп и боцмана.

Как только мы ступили на сушу, туземцы кинулись на нас.

– Позвольте, – сказал Суер-Вьер, – неужели на вас сверху ничего не кидали? Чего вы так разъярились?

– Кидали! Кидали! – орал туземцы. – Вечно нас забрасывают всякою дрянью!

– Верп – вещь порядочная, очень изящный якорёк, – сказал Суер. – А кто тут у вас за старшего?

Вперёд выступил невысокий туземец с подушкой в руках.

– Позвольте представиться, – поклонился ему капитан. – Суер-Вьер.

Туземец протянул руку:

– Калий Оротат.

– Боже мой! – сказал Суер. – Неужели Калий? Калий Оротат? Гениальный поэт? Это так?

– Да здесь все поэты, – недовольно поморщился Калий Оротат. – Да вы что, разве не слыхали про нас? Это ведь остров пониженной гениальности. Нас сюда забросили катапультой. Из разных концов планеты. Но в большинстве пишут на русском. Даже вон тот парень, по национальности сервант, и тот пишет на русском. Эй, сервант, почитай что-нибудь достойным господам.

– Прямо не знаю, что и почитать, – сказал сервант. – У меня много философской лирики – циклы верлибров, лимерики, танки...

– Почитайте нам что-нибудь из философской лирики, – предложил лоцман Кацман, глотнув мадеры.

Сервант поклонился:

*Остров есть на окияне,
А кругом – вода.*

*Пальмы стройными киями,
Тигры, овода.*

*Я хочу на остров дальный
Топоров послать,
Поле блеск пирамидальный
Дабы порубать.*

*Чтоб горели топорами
Яхонты селитр,
Открывая штопорами
Керосину литр.*

*Чтобы штопором топорить
Окаянный мир,
Чтобы штормом откупорить
Океанный жир!*

– Ну это же совсем неплохо! – воскликнул Суер, похлопывая серванта по плечу. – Какая рифма: «тигры – овода»? А как топоры горели?! Мне даже очень понравилось.

– А мне – так про керосину литр, – встрял неожиданно Чугайло. – Только не пойму, почему керосину. Напишите лучше «самогону литр»!

– А мне так очень много философии послышалось в слове «селитра», – сказал лоцман. – И в штопоре такая глубокая, я бы даже сказал – спиральная, философия, ведь не только искусство, но и история человека развивается по спирали. Неплохо, очень неплохо.

– Может быть, и неплохо, – скептически прищурился Калий Оротат, – но разве гениально? Не очень гениально, не очень. А если и гениально, то как-то пониженно, вы чувствуете? В этом-то вся загвоздка. Все наши ребята пишут неплохо и даже порой гениально, но... но... как-то пониженно, вот что обидно.

– Перестаньте сокрушаться, Калий, – улыбнулся капитан. – Гениальность, даже и пониженная, всё-таки гениальность. Радоваться надо. Почитайте теперь вы, а мы оценим вашу гениальность.

– Извольте слушать, – поклонился поэт.

*Ты не бойся, но знай:
В этой грустной судьбе
На корявых обкусанных лапах
Приближаются сзади и сбоку к тебе
Зависть, Злоба, Запах.*

*Напряжённое сердце держи и молчи,
Но готовься, посматривай в оба:
Зарождаются днём, созревают в ночи
Зависть, Запах, Злоба.*

*Нержавеющий кольт между тем заряжай,
Но держи под подушкой покаместь.
Видишь Запах – по Злобе, не целясь, стреляй,
Попадёшь обязательно в Зависть.*

*Не убьёшь, но – стреляй!
Не удушишь – души!
Не горюй и под крышкою гроба.
Поползут по следам твоей грустной души
Зависть, Запах, Злоба.*

– Бог мой! – сказал Суер, прижимая поэта к груди. – Калий! Это гениально!

– Вы думаете? – смутился Оротат.

– Чувствую! – воскликнул Суер. – Ведь всегда было «ЗЗЖ», а вы создали три «З». Потрясающе! «Зависть, Злоба, Жадность» – вот о чём писали великие гуманисты, а вы нашли самое ёмкое – «Запах»! Какие пласты мысли, образа, чувства!

– Да-да, – поддержал капитана лоцман Кацман. – Гениально!

– А не пониженно ли? – жалобно спрашивал поэт.

– Повышенно! – орал Чугайло. – Всё хреновина! Повышенно, Колька! Молоток! Не бзди горохом!

– Эх, – вздыхал поэт, – я понимаю, вы добрые люди, хотите меня поддержать, но я и сам чувствую... пониженно. Всё-таки пониженно. Обидно ужасно. Обидно. А ничего поделат не могу. Что ни напишу – вроде бы гениально, а после чувствую: пониженно, пониженно. Ужасные муки, капитан.

Между прочим, пока Калий читал и жаловался, я заметил, что из толпы туземных поэтов всё время то вычленились, то вчленивались обратно какие-то пятнистые собакоиды, напоминающие гиенопардов.

– Это они, – прошептал вдруг Калий Оротат, хватая за рукав нашего капитана, – это они, три ужасные «Зэ», они постоянно овеществляются, верней, оживотновляются, становятся собакоидами и гиенопардами. Постоянно терзают меня. Вот почему я всё время ношу подушку.

Тут первый собакоид – чёрный с красными и жёлтыми звёздами на боках – бросился к поэту, хотел схватить за горло, но Калий выхватил из-под подушки кольт и расстрелял монстра тремя выстрелами.

Другой псопард – жёлтый с чёрными и красными звёздами – подкрался к нашему капитану, но боцман схватил верп и одним ударом разможил плоскую балду с зубами.

Красный гиенопёс – с чёрными и жёлтыми звёздами – подскакал к Пахомычу и, как шприц, впился в чугунную ляжку старпома.

Она оказалась настолько тверда, что морда-игла обломила, а старпом схватил поганую шавку за хвост и швырнул ее куда-то в полуподвалы.

– Беспокоюсь, сэр, – наклонился старпом к капитану, – как бы в этих местах наша собственная гениальность не понизилась. Не пора ли на «Лавра»?

– Прощайте, Калий! – сказал капитан, обнимая поэта. – И поверьте мне: гениальность, даже пониженная, всегда всё-таки лучше повышенной бездарности.

Боцман Чугайло схватил якорь, все мы уцепились за цепь, и боцман вместе с самим собою и с нами метнул верп обратно на «Лавра».

Сверху, с гребня полудеятого вала, мы бросили прощальный взор свой на остров пониженной гениальности.

Там, далеко внизу, по улицам и переулкам метался Калий Оротат, а за ним гнались вновь ожившие пятнистые собакоиды.

Часть вторая

Грот

Глава XXXI

Блуждающая подошва

Лёгкий бриз надувал паруса нашего фрегата.

Мы неслись на зюйд-зюйд-вест.

Так говорил наш капитан сэр Суер-Выер, а мы верили нашему сэру Суеру-Выеру.

– Фок-стаксели травить налево! – раздалось с капитанского мостика.

Вмиг оборвалось шестнадцать храпов, и тридцать три мозолистые подошвы выбили на палубе утреннюю зорю.

Только мадам Френкель не выбила зорю. Она плотнее закуталась в своё одеяло.

– Это становится навязчивым, – недовольно шепнул мне сэр Суер-Выер.

– Совершенно с вами согласен, кэп, – подтвердил я. – Невыносимо слушать этот шелест одеял.

– Шелест? – удивился капитан. – Я говорю про тридцать третью подошву. Никак не пойму: откуда она берётся?

– Позвольте догадаться, сэр, – сказал лоцман Кацман. – Это одноногий призрак. Мы подхватили его на отдалённых островах вместе с хей-морроем.

– Давно пора пересчитать подошвы, – проворчал старпом. – Похоже, у кого-то из матросов нога раздваивается.

– Эх, Пахомыч, Пахомыч, – засмеялся капитан, – раздваиваются только личности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.